

ЗАКУЛИСЬЕ ВОЙНЫ

Штрафники, заградотряды, трудовые армии

XX военные
тайны
века

В.А. Рунов

Военные тайны XX века

Валентин Рунов

**Закулисье войны. Штрафники,
заградотряды, трудовые армии**

«ВЕЧЕ»

2017

Рунов В. А.

Закулисье войны. Штрафники, заградотряды, трудовые армии / В. А. Рунов — «ВЕЧЕ», 2017 — (Военные тайны XX века)

В книге на основании архивных документов и разработок кафедр военных академий рассмотрен ряд недостаточно изученных моментов истории Великой Отечественной войны. Многие из них, будучи напрямую не связанными с операциями, проводимыми войсками на фронтах, в то же время существенно влияли на общий ход вооруженной борьбы и жизнь народов в условиях войны. Рассчитана на широкий круг читателей.

Содержание

Введение	6
Эвакуация тюрем	8
ГУЛАГ в годы войны	16
Штрафные формирования в РККА	21
Разведка боем	34
Заградительные отряды	39
СМЕРШ – смерть шпионам!	43
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Валентин Рунов
Закулисье войны. Штрафники,
заградотряды, трудовые армии

© Рунов В.А., 2017

© ООО «Издательство «Вече», 2017

* * *

Введение

Мы привыкли к тому, что война главным образом заключается в противоборстве армий на фронтах и работе разведчиков и партизан в ближайшем прифронтовом тылу. Но на самом деле война более широкое явление, которое затрагивает все стороны общественной жизни и имеет самые различные проявления. Она характеризуется особым состоянием общества воюющих стран, жизнь которого временно начинает строиться совсем по другим законам, чем в условиях мирного времени. Это выражается, прежде всего, в мобилизации общества, в ограничении свобод граждан, в принуждении их к дополнительному и безвозмездному труду, в повышении карательных функций государства и многом другом.

Сегодня, в условиях мира, стало модным рассуждать о свободах граждан, об их правах, о гуманности к ним со стороны государства. Но при этом мало кто задумывается о том, как все это будет выглядеть в случае войны, когда на кон будет поставлено существование самого государства? Вероятно, тогда о многом из того, что казалось крайне важным в мирное время, придется забыть. Во время войн государство всегда требовало от своих граждан жертв и терпения к всевозможным лишениям, взамен предоставляя только одно право – умереть за свою страну. Всякий отказ и уклонения от подобного рода обязанностей карались очень жестоко. И это было свойственно не какому-то конкретному государству, а всем странам без исключения.

Другой вопрос – как в условиях ведения войны государство должно вести себя со своими гражданами? Даже в этих условиях общество продолжало оставаться неоднородным – в нем встречались как патриоты, так и недовольные, как законопослушные, так и преступники, как полезные труженики, так и бесполезные с точки зрения производства люди. И если в мирное время все они «незаметно» растворялись в огромной человеческой массе, то с началом войны индивидуальность каждого человека начинала проявляться более ярко. Появились предатели, пособники врага, паникеры, отчаявшиеся... С каждым из этих людей нужно было разбираться отдельно, на что не было ни сил, ни времени. Поэтому государству оставалось одно – выявлять и карать.

Но как поступать с людьми, уже нарушившими закон и отбывающими наказание в тюрьмах и лагерях? Пересматривать в срочном порядке дело каждого, не имея для этого ни сил, ни времени, ни, главное, – оснований? А если эти люди содержатся в местах, которые находятся под угрозой оккупации противником?

Третий вопрос – обеспечение должной боеспособности армии. С началом войны по мобилизации под ружье ставятся миллионы граждан, не привыкших не то что к смертельному риску, но и к элементарной воинской дисциплине. Среди них немало откровенных трусов и психически неуравновешенных людей. Как заставить их выполнять приказы, рискуя своим здоровьем и самой жизнью? А без этого достижение победы в бою невозможно. И опять государство должно брать на себя решение этого вопроса.

Но это только внутренние проблемы, имеется много и внешних. Главная из них – выявление и отношения с союзниками. Мировой историей доказано, что ни одна война не возникает без прямого или косвенного участия третьих стран. И, как правило, это участие не бескорыстное. Так возникают большие политические игры. Большая политическая игра по площади намного превышает размеры поля любого сражения, а по времени она всегда выходит далеко за временные рамки любой войны. И любое государство вынуждено считаться с этим, и по мере возможности вести свою игру, не всегда понятную его гражданам.

Но и само государство представляли люди, поднявшиеся к тому времени на вершину власти, имевшие как определенные достоинства, так и недостатки. Во время Великой Отечественной войны Германию представлял Адольф Гитлер, СССР – Иосиф Сталин. Рядом с

ними стояли их соратники, каждый из которых имел свой собственный взгляд на происшедшее. Сегодня мы знаем, что полного единства этих взглядов не было, и даже более того – были сугубо противоположные взгляды, которые становились причиной вполне конкретных действий.

Итак, каждая война имеет свое закулисье, и именно там происходят события, которые обеспечивают продолжение жизни человеческого общества в столь экстремальных условиях. Сражения, которые исторически формируют облик войны, – лишь производное от того, что, казалось бы, не совсем вписывается в ее сущность. Но реально это не так. В любой войне главная задача общества – выжить, сохранив свою идентичность, территорию, язык, культуру. Задача власти – обеспечить это, для чего, безусловно, нужна Победа. О том, какими средствами будет достигнута эта победа – историки будут разбираться уже после.

В этой книге о Великой Отечественной войне я не буду рассказывать об операциях и в очередной раз характеризовать или критиковать военачальников. Я попробовал написать о том, о чем обычно не принято говорить, поднимая столь важную тему. И не беда, если кому-то покажется все это неважным или неполным. Война считается не завершенной до того времени, пока не захоронен последний солдат, а проблема до того момента, пока о ней не заговорят на уровне дискуссии.

Предлагаю последовать этому примеру.

Эвакуация тюрем

В последние предвоенные годы в связи с проводившейся внутренней политикой в СССР было арестовано большое количество людей. Часть этих людей по обвинению в измене Родине были расстреляны, часть – отправлены в исправительно-трудовые лагеря, располагавшиеся в северных и восточных районах СССР, еще часть в ходе следствия и в ожидании приговора и этапа содержалась в местных тюрьмах.

К началу Великой Отечественной войны в составе этой последней группы были, прежде всего, недавно арестованные уголовники, а также граждане с не до конца доказанной виной. Судя по тому, как жестко работал в то время репрессивный механизм, доля последних была незначительной.

В самом Львове было три тюрьмы: № 1 – на Лонцкого, № 2 – Замарстыновская и № 4 – Бригидки. Тюрьма № 3 находилась в замке г. Золочева, что около семидесяти километров от Львова, – сюда отправляли заключенных, когда львовские тюрьмы были переполнены (а они были переполнены: в тюрьме на Лонцкого при лимите 1500 человек находилось 3638 заключенных). В тюрьмах Львовщины по состоянию на 22 июня 1941 года было 5424 заключенных. Большинству инкриминировали преступления по статье 54 Уголовного кодекса УССР, то есть – контрреволюционную деятельность.

С началом Великой Отечественной войны выходит приказ Берии и прокурора СССР В.М. Бочкова № 221 от 22 июня 1941 года: В его приказной части указывалось:

1. Прекратить освобождение из лагерей, тюрем и колоний контрреволюционеров, бандитов, рецидивистов и других опасных преступников.
2. Указанных заключенных, а также польские контингенты, немцев и иноподданных сосредоточить в усиленно охраняемые зоны, прекратив бесконвойное использование на работах. Содержащихся в лагере заключенных максимально законвоировать.
3. Арестовать заключенных, на которых имеются материалы в антисоветской деятельности.
4. Охрану лагерей, тюрем и колоний перевести на военное положение.
5. Прекратить отпуска всем работникам лагерей, тюрем и колоний и работникам прокуратуры ИТЛ, находящихся в отпусках немедленно вызвать.
6. Прекратить всякую переписку заключенных, а также содержащихся в спецпоселках с волей.
7. Исполнение донести в 24 часа».

23 июня 1941 советское руководство осознало, что необходимо принимать срочные меры по вывозу заключенных. Немедленно был направлен документ следующего содержания:

«НКГБ – тов. Мешик Минск, НКГБ – тов. Цанава Рига, НКГБ – т. Шустину Таллин, НКГБ – тов. Кумм Петрозаводск, НКГБ – тов. Баскакову Мурманск, УНКГБ – тов. Ручкину Ленинград, УНКГБ – тов. Куприну Предлагаю Вам: 1. Проработать вопрос о вывозе подавляющего числа арестованных, числящихся за НКГБ, НКВД, судом и прокуратурой. Сообщите общее количество имеющихся у Вас арестованных, с указанием – сколько, за какими органами числятся и какое количество арестованных, по Вашему, следует вывезти. Арестованные будут вывезены в центральные и восточные районы СССР. Учтите, что вместе с арестованными будет направлено некоторое количество Ваших работников для ведения следствия по делам арестованных по новому месту их нахождения. 2. Примите меры к отбору из числа архивных дел наиболее важных, которые также должны быть Вами направлены в Москву, в адрес 1-го спец. отдела НКВД СССР. 3. Рассмотрите дела на всех имеющихся у Вас арестованных органами НКГБ и составьте списки на тех, которых Вы считаете целесо-

образным расстрелять. В списках укажите имя, отчество, фамилию, год рождения, последнюю должность или место работы перед арестом, а также краткое содержание обвинения, с указанием сознался ли арестованный. Указанные списки вышлите не позднее 23 июля.

Меркулов 23 июня 1941 г. № 2445/М. Москва».

Летом 1941 года продвижение немецких войск от западных границ СССР на восток было стремительным. С учетом того, что 1-я танковая группа генерала Э. фон Клейста уже 10 июля вышла на подступы к Киевскому оборонительному району, преодолев расстояние в 600 километров за 20 дней, средний темп наступления ее соединений составлял 30 километров в сутки. 350 километров от Бреста до Минска 2-я танковая группа Г. Гудериана преодолела за 6 дней со средним темпом 58 километров в сутки. Организовать эвакуацию имущества, а тем более тюрем, в таких условиях было очень трудно.

Рассмотрим этот процесс с севера на юг.

В республиках Прибалтики перед самым началом войны была завершена операция по выселению «неблагонадежного и контрреволюционного элемента» – из Эстонии было выслано чуть более 10 тыс. человек, из Литвы около 17,5 тыс. из Латвии – по разным оценкам, от 15,4 до 16,5 тыс. человек. Эта операция была завершена к 21 июня 1941 года.

В то же время местные тюрьмы оказались заполненными заключенными и подследственными, в отношении которых нужно было принимать самые неотложные меры. И они были приняты...

Эстония: Из Эстонской ССР ко 2 июля было эвакуировано 4047 заключенных.

Но также имеются сведения о том, что в ночь с 8 на 9 июля 1941 года в тюрьме города Тарту было расстреляно 192 человека из числа задержанных с начала военных действий. В Лихула – 6 человек, в Хаапсалу и Вильянди – по 11 человек, в Печорах – 6 человек.

Латвия: Известно, что из литовских тюрем в тыл были эвакуированы 3722 заключенных. Ряд современных латвийских источников, основываясь на изданной в 1942 году в Риге трудах «Комиссии по расследованию зверств большевиков в Латвии» под названием «Год ужасов» и «Обвинительные доказательства», указывают на то, что в рижской тюрьме было расстреляно 78 заключенных.

Литва: Территория Литвы была захвачена немецкими войсками в течение первых дней войны – Ковно (Каунас) и Вильно (Вильнюс) были заняты немцами 24 июня. Эвакуация около 1700 заключенных из тюрем Вильно была начата вечером 23 июня. Но в пути по каким-то причинам состав при отправлении был расцеплен и в Горький эвакуировали только 609 заключенных. Всего из Литвы было эвакуировано 1363 заключенных.

Город Тельшай был оставлен советской администрацией 22 июня и находился под контролем Литовского фронта активистов (ЛФА) до прихода немцев 25 июня 1941 года. После установления в этом районе власти немецким командованием возле фермы Райняй, расположенной недалеко от Тельшай в лесу было обнаружено 74 тела, которые были признаны убитыми 24 и 25 июня 1941 года заключенными тюрьмы Тельшай.

Город Ковно (Кунас) с 23-го находился под контролем ЛФА, а 24 июня был занят немецкими войсками. Но при этом в ряде источников указывается, что 26 июня 1941 года органами НКВД было уничтожено 400 человек заключенных и весь персонал каунасской тюрьмы вместе с семьями в колонии для заключенных в Правенешкес, расположенном в 12 км от Ковно.

Белоруссия: На 10 июня 1941 года в 32 тюрьмах Белорусской ССР содержалось 25 860 человек, причем самые большие тюрьмы были расположены в приграничных городах – Брест и Белосток, в каждой из которых содержалось около 4 тыс. заключенных. Крупной была и тюрьма в городе Гродно, где содержалось около 3,5 тыс. заключенных.

Уже в первый день войны замнаркома внутренних дел СССР Чернышов передал по телефону наркому внутренних дел БССР Матвееву указание Берии о немедленной эвакуации тюрем. Из тюрем западных областей БССР по плану предполагалось вывезти 16 357

заклученных. Правда, планировалось вывозить не всех. В этот же день ЦК КП(б) Белорусской ССР, издал постановление о срочном приведении в исполнение приговоров в отношении заключенных, осужденных к высшей мере.

Однако, в условиях быстрого продвижения немецких войск и постоянного воздействия авиации на тыловые объекты, вызвавшего во многих местах панику и хаос, этого сделать не удалось. Также следует помнить о том, что во время эвакуации колонны заключенных эвакуируемые в пешем порядке подвергались налетам немецкой авиации и несли потери. В ряде случаев заключенные «за контрреволюционные преступления» в пути следования преднамеренно расстреливались конвоем.

Иногда расстрелы производились в ответ на провокации самих заключенных. Так, 24 июня 1941 года во время эвакуации заключенных из тюрьмы города Глубокое заключенные поляки начали кричать: «Да здравствует Гитлер!» На основании этого начальник тюрьмы Приемышев распорядился отконвоировать заключенных до ближайшего леса, где и было расстреляно около 600 человек.

Имели место и случаи расстрелов в тюрьмах. Так, установлено, что в тюрьме города Ошмяны 23 июня 1941 года политруком Клименко и уполномоченным Авдеевым во время бомбежки этого города самочинно было расстреляно в подвале 30 заключенных, обвиняемых в преступлениях контрреволюционного характера.

Из тюрем города Минска было эвакуировано около 2000 заключенных. При этом, по донесению начальника конвоя, «ввиду систематических нападений на колонну с заключенными под местечком Червень при согласовании с руководством тюрьмы 209 политических заключенных были расстреляны, а остальные заключенные, содержащиеся под стражей за бытовые преступления, освобождены».

В тюрьме города Мозырь в июле 1941 года в срочном порядке было расстреляно 38 человек, а в тюрьме города Гомель – 11 человек, приговоренных судом к высшей мере наказания.

Утром 22 июня на тюрьму города Гродно упала авиационная бомба, взрывной волной от которой вышибло двери камер. Охране удалось перевести заключенных в главный корпус. Но днем того же дня главный корпус прямым попаданием другой авиабомбы был разрушен, и многие из заключенных погибли. Ближе к ночи третья авиабомба разрушила часть второго корпуса. При этом многим заключенным, несмотря на открытый охраной огонь, удалось вырваться из тюрьмы и разбежаться по городу. Начальник тюрьмы попытался связаться с местным НКВД и НКГБ, однако к тому времени те уже эвакуировались в тыл. После этого территория тюрьмы ее охраной была оставлена.

Аналогичная ситуация была и в других тюрьмах Западной Белоруссии. По подсчетам, из 32 тюрем НКВД БССР, функционировавших на 22 июня 1941 года, удалось провести эвакуацию лишь из 14 (Глубокое, Молодечно, Пинск, Столин, Дрогичин, Орша, Полоцк, Витебск, Могилев, Мозырь, Гомель, Червень, Вилейка и Столбцы). Всего было эвакуировано 9573 человека, «оставлено противнику» – 16 048 человек, бежало в пути при бомбежке 775 заключенных, освобождено «налетом банды» – 76, расстреляно в тюрьмах – 530, расстреляно конвоем в пути – 714 человек.

Украина: В западных регионах УССР в предвоенный период в тюрьмах содержалось значительное количество осужденных и подследственных. Только по ликвидации активно действовавшего подполья ОУН в тюрьмах находилось более 23 тыс. человек. По западным областям количество заключенных по тюрьмам распределялось следующим образом:

Львовская область – 4 тюрьмы, из них три в самом Львове (4960 человек), и одна – в Злочеве (623 человека). В Волынской области – 3 тюрьмы: Луцк (2052 человека), Владимир-Волынский (333 человека), Ковель (800 человек). Ровенская область – 4 тюрьмы: две в Ровно (992 человека), Дубно (296 человек), Острог (76 человек). Дрогобычская область –

3 тюрьмы: Перемышль (818 человек), Самбор (1212 человек), Стрый (848 человек). Тарнопольская область – 4 тюрьмы: Тарнополь (1790 человек), Чертков (1290 человек), Бережаны (376 человек), Кременец (350 человек). Станиславская область – 3 тюрьмы: Станислав (2914 человек), Коломия (1470 человек), Печенежино (66 человек). Черновицкая область – 4 тюрьмы: две в Черновцы (2000 человек), Сторожинец (67 человек), Хотин (223 человека). Каменец-Подольская область – 3 тюрьмы: две в Каменец-Подольском (1700 человек), Проскуров (811 человек). Винницкая область – две тюрьмы: Винница (2700 человек) и Брацлав (2100 человек). Измаильская область – две тюрьмы: Измаил (623 человека) и Аккерман (532 человека). Одесская область – 3 тюрьмы: две в Одессе (5008 человек) и Балта (84 человека).

С началом войны только из западных областей УССР на 23 июня 1941 года требовалось эвакуировать 23 236 заключенных – для чего было необходимо представить 778 вагонов. Но затребованного количества вагонов в условиях начала войны, конечно же, получено не было – в связи с чем ряд тюрем эвакуировался пешим порядком до тыловых станций.

Эвакуация заключенных была организована плохо. Так, известно, что при эвакуации заключенных и задержанных 22 июня из Перемышля 669 человек из них попали к немцам. В Самбор был доставлен всего 181 заключенный, главным образом приговоренные к высшей мере наказания и задержанные по контрреволюционным статьям.

Кроме того, с началом военных действий вооруженными отрядами ОУН, переброшенными ранее с немецкой стороны в западные районы Украины, были предприняты попытки нападения на ряд тюрем. Такие случаи имели место в городах Львов, Злочев, Луцк, Дубно и др.

23 и 24 июня 1941 года НКГБ УССР передает указание в прифронтовые области о том, что «всех следственных и осужденных за контрреволюционные преступления по ст. 170 УК, и лиц, совершивших большие растраты, расстрелять, а следственных и осужденных по другим статьям освободить».

На начало войны в тюрьмах Львова содержалось 3602 человека. Всего, по официальным данным, в тюрьмах № 1, 2, 4 гор. Львова и № 3 Злочева было расстреляно 2464 человека, освобождено – 800 человек, вывезено перебежчиков – 201 человек, осталось в тюрьмах – 1546 человек. Из них бежало во время ухода охраны тюрем из города 23–24 июня и в результате нападения на тюрьму № 1 23 июня – 362 человека, преимущественно уголовников и бытовиков ОУН.

На местном уровне основанием для ликвидации заключенных тюрем стали распоряжения республиканских властей. Так, на территории Западной Украины 23 июня 1941 года в действие были введены приказ № 2445/М наркома государственной безопасности Меркулова и приказ начальника тюремного управления НКВД УССР капитана госбезопасности Филиппова. В первом документе речь шла о срочном учете всех заключенных в тюрьмах и делении на тех, что подлежат депортации в концлагеря ГУЛАГа, и тех, кого необходимо расстрелять (эта задача возлагалась на местное руководство НКГБ).

Во втором документе говорилось об эвакуации заключенных, к нему прилагался «План эвакуации», согласно которому депортации из Львовской области подлежало пять тысяч арестантов, для чего выделялось 204 вагона. Согласно инструкции НКВД СССР от 29 декабря 1939 года один вагон эшелона вмещал тридцать депортированных лиц, следовательно, указанных вагонов хватало бы на эвакуацию 6800 заключенных. Однако эвакуировали только 1822 из 5000 запланированных. Кроме того, в последнем документе рукой прокурора Львовской области Харитонова содержалась надпись черными чернилами: «Расстрел как врагов народа санкционирую».

Практиковались и другие меры. Так, в тюрьме города Луцка сразу же с началом войны были расстреляны 73 человека, приговоренные к высшей мере наказания. Но дальше собы-

тия развивались уже по другому сценарию. В 14 часов 22 июня на территорию тюрьмы упало две авиабомбы, частично разрушив ряд помещений. Взрывной волной были выбиты двери части камер, в других они были взломаны самими заключенными. После чего они смогли попасть во внутренний двор, откуда предприняли попытку к бегству, но были остановлены охраной. При этом часть пытавшихся убежать были расстреляны на месте.

23 июня 44 осужденных по бытовым статьям и 40 малолеток были освобождены. Утром 23 в тюрьму прибывает опергруппа УНКГБ во главе с майором Розовым, которая требует выдать всех з/к, содержащихся в тюрьме гор. Луцка по статьям УК УССР 54, 2, 11, и особенно членов ОУН. После того как стало известно о приближении немецких войск, отобранные 800 человек были расстреляны на хозяйственном дворе тюрьмы работниками НКВД, НКГБ и силами охраны. Кроме того, было расстреляно охраной тюрьмы и воинскими частями в окрестностях тюрьмы еще некоторое количество заключенных, пытавшихся бежать из тюрьмы. По информации начальника тюремного управления НКВД по Волынской области – в общем – расстреляно в тюрьме и возле тюрьмы около 1000 человек. В тюрьме было оставлено около 1000 человек, большинство из которых обвинялись по бытовым статьям УК УССР. Но в более ранних сводках НКВД (июнь 1941) приводилась информация о том, что были расстреляны все заключенные – всего около двух тысяч человек.

В тюрьме города Владимир-Волынский 22 июня были расстреляны 36 заключенных, приговоренных к высшей мере наказания, после чего она, в связи с быстрым продвижением немецких войск, была оставлена.

В тюрьме города Ковель было расстреляно 194 заключенных, освобождено 300 человек и осталось невывезенными 145 заключенных.

В тюрьме города Острог (Ровенская область) 1 осужденный к высшей мере наказания был расстрелян, 5 заключенных были освобождены и 77 оставлены (из них 15 осужденных за «контрреволюционные преступления»). Правда, позже появились заявления о том, что все эти 77 человек были расстреляны.

В тюрьме города Дубно осужденные на длительные сроки были направлены в город Ровно, за контрреволюционную деятельность (260 человек) – расстреляны. При вступлении в город немцев в камерах осталось еще около 60 человек, которых, по заявлению местных украинских исследователей, просто не успели расстрелять.

В тюрьме города Черновцы было расстреляно 16 осужденных к высшей мере наказания (включая 3 пленных немцев). Остальные двумя партиями, соответственно 1405 и 757 заключенных, были этапированы на восток.

В тюрьме города Тернополь (современный Тернополь) было расстреляно – 560 заключенных, освобождено – 217 человек, эвакуировано 1141 человек. С приходом немцев в тюрьме оставалось всего 5 заключенных.

В тюрьме города Бережаны в июне было расстреляно 222 человека, 94 заключенных эвакуированы и 60 человек освобождены (инвалиды и малолетки).

В тюрьме города Чертков было расстреляно 88 человек, 954 человека были эвакуированы. Из них в пути следования, при попытке к побегу и бунтам, было расстреляно 123 человека.

В тюрьме города Кременец 23 и 24 июня было 38 заключенных.

В тюрьмах городов Стрый и Самбор был расстрелян 1101 заключенный (из них 67 человек из тюрьмы Перемышля), этапировано – 637 человек, освобождено – 250 человек и оставлено в своих камерах 304 человека.

В тюрьме города Станислав (современный Ивано-Франковск) в июне 1941 года было расстреляно около 1 тыс. человек, этапировано – 954 человек, освобождено – 295 человек, осталось в камерах 674 человека.

В тюрьмах, находившихся на значительной глубине от границы, количество расстрелянных было несколько меньшим. Так, в тюрьмах Киева по состоянию на 7 августа 1941 года было расстреляно 346 человек, в тюрьмах Житомира – 46 человек, в Сумах – 108 человек, Черкассах – 9 человек, в городе Белая Церковь – 3 человека. Примечателен и такой факт, что 97 приговоренных к высшей мере наказания и содержавшихся в тюрьме города Чернигова были не только освобождены, но и отправлены в военкоматы.

Сегодня в Умани на улице Ленина возвышаются здание районного отдела внутренних дел – обычное строение казенного типа. Но старожилы хорошо помнят, что до конца 80-х годов на этом месте находился комплекс тюремных зданий. По периметру он был огорожен 5-метровыми кирпичными стенами, по гребню которых проходило несколько рядов колючей проволоки. По углам стен были сооружены вышки с прожекторами, на которых круглосуточно дежурили стрелки тюремной охраны.

В конце июля 1941 года, когда над городом нависла угроза фашистской оккупации, сотни заключенных были тайно расстреляны в подвалах тюрьмы, устроенных в специально оборудованных участках катакомб, отгороженных от остальных лабиринтов толстыми кирпичными стенами. Трупы были пересыпаны хлоркой, а входы в расстрельные помещения тщательно замурованы. Всего в тюрьме города Умань 20 июля было расстреляно 767 человек, освобождено – 34 человека, а 31 заключенный (поляки) оставлены в тюрьме.

Вскоре после того, как немецкие войска вошли в Умань, они обнародовали доказательство злодеяний большевиков. В доказательство этого жителям города были предъявлены трупы расстрелянных, извлеченные из подземелий. Тогда к уманской тюрьме начали сходить и съезжаться жители города и окрестных сел, потерявшие родных и близких накануне и в годы войны. По каким-то приметам они узнавали родных, близких и односельчан, арестованных органами ГПУ в начале 1941 года. Информация о расстрелах органами НКВД в уманской тюрьме заключенных была широко освещена германской прессой.

Всего из 78 тюрем УССР в 1941 году было эвакуировано 45 569 человек, расстреляно в тюрьмах – 8789 человек, убито при попытке побега – 48 человек, расстреляно конвоем в пути при подавлении бунта и сопротивления – 123 человека, незаконно расстреляно конвоем в пути – 55 человек, оставлено немцам – 3536 человек.

При расстрелах органы НКВД вначале применяли привычную для них практику – осужденных индивидуально, в специальной камере расстреливали выстрелом в затылок. Когда приближался фронт, а планы не были выполнены, начали расстреливать массово: сгоняли заключенных в камеры подвалов и через дверцу для передачи пищи стреляли из автоматического оружия. В последние дни – бросали в камеры гранаты. Практиковали и такой способ: открывали двери камер, заключенные выходили в коридор, думая, что их увольняют, и в этот момент их расстреливали из автоматического оружия.

Остро стояла задача, как избавляться от тел расстрелянных. Вначале тела вывозили грузовиками и хоронили в специальных местах. Однако перед самым приходом немцев чекисты, спеша, хоронили убитых во дворах и подвалах тюрем. В официальных документах НКВД эти действия именовались как «разгрузка тюрем» или «убытие по 1-й категории». В последующем раскопки этих массовых захоронений стали хорошим материалом для нацистской пропаганды.

Таким образом, в начале Великой Отечественной войны из западных регионов СССР пришлось срочно эвакуировать 272 тюрьмы, в которых содержалось 141 527 человек. Эвакуация контингента сопровождалась людскими потерями. В ходе ее осуществления по различным причинам выбыло около 43 тыс. человек, в том числе: остались невывезенными – 21 504, освобождены при эвакуации – 7444, бежали при бомбежках – 819, бежали из-под конвоя – 264, погибли при бомбежках – 23, убиты при попытке к бегству – 59, освобождены налетом банды – 346, расстреляны в тюрьмах – 9817, расстреляны конвоем в пути следова-

ния при подавлении бунта и сопротивления – 674, незаконно расстреляны конвоем в пути – 769, умерли в пути следования – 1057 человек.

Расстрелы заключенных имели место и в тюрьмах, расположенных на территории РСФСР. Так известно, что 11 сентября 1941 года в Медведевском лесу, в 10 километрах от города Орла, сотрудники НКВД расстреляли 157 заключенных, содержащихся в местной тюрьме. Данный расстрел произошел более чем за три недели до взятия Орла немцами. Основанием этого расстрела стала докладная записка Берии Сталину от 6 сентября 1941 года. В ней указывалось: «Некоторая – наиболее озлобленная часть содержащихся в местах заключения НКВД государственных преступников ведет среди заключенных поразительную агитацию и пытается подготовить побег для возобновления подрывной работы. Представляя при этом список на 170 заключенных, одновременно осужденных за террористическую, шпионско-диверсионную и иную контрреволюционную работу, НКВД СССР считает необходимым применить к ним высшую меру наказания – расстрел».

Данный список составлялся в спешке, без всякой проверки, и в него даже были включены фамилии 9 человек, которых к тому времени в орловской тюрьме уже не было (одни умерли, другие были освобождены после пересмотра их дел). На основании этой записки было издано постановление № ГКО-634сс от 6 сентября 1941 года. В нем указывалось: «Применить высшую меру наказания – расстрел к 170 заключенным, одновременно осужденным за террористическую, шпионско-диверсионную и иную контрреволюционную работу. Рассмотрение материалов поручить Военной Коллегии Верховного Суда СССР».

По приговору, вынесенному 8 сентября 1941 года, на основании постановления ГКО, без возбуждения уголовного дела и проведения предварительного и судебного разбирательства, Военной коллегией Верховного суда СССР под председательством Ульриха В.В. (члены коллегии Кандыбин Д.Я. и Буканов В.В.) вынесен приговор в отношении 161 заключенного, согласно которому все были осуждены по ст. 58–10, ч. 2 УК РСФСР к высшей мере наказания – расстрелу.

Сегодня демократическая пресса ловко использует факты расстрелов подследственных и заключенных при отступлении советских войск для того, чтобы еще раз вскрыть «звериную сущность» большевизма. Безусловно, казни людей, по которым еще не завершено расследование и которым вынесен более «мягкий» приговор, – преступление против Закона. Но что было делать, если возможности эвакуации этих тюрем не было?

Также нужно сказать и о том, что случаи массовых убийств арестованных далеко не всегда поощрялись органами советской власти. Так известно, что в период с 22 июня по 31 декабря 1941 года по НКВД было осуждено за самочинные расстрелы и убийства 19 человек из числа работников органов НКВД. В частности, заместитель начальника тюрьмы А.Х. Табер и помощник оперуполномоченного В.А. Мохов 13 сентября 1941 года были приговорены военным трибуналом к высшей мере наказания «за участие в самочинном расстреле 714 заключенных, эвакуированных из тюрьмы № 28 белорусского города Глубокое». Проходившие по этому же делу сотрудники НКВД И.Я. Баталов, В.Н. Малинин и П.И. Скребневский получили по 10 лет исправительно-трудовых лагерей.

Нужно признать, что во многих местах по разным причинам содержащиеся в тюрьмах лица оказывались на свободе. В этом случае арестанты из простых людей, как правило, возвращались к своим семьям и продолжали трудиться, теперь уже на оккупантов. Отдельные из них даже назначались бургомистрами, старостами и полициями.

Но как вели себя уголовники? В большинстве случаев они добровольно поступали на службу к оккупантам. В последующем именно из них формировались карательные отряды и ударные отряды полиции. По воспоминаниям людей, переживших оккупацию, именно полиция из числа бывших уголовников были самыми жестокими и коварными. Из них формиро-

вались расстрельные команды, ложные партизанские отряды и ложные подпольные группы. Многие из них «работали» в концентрационных лагерях и лагерях смерти.

Так, известно, что заключенные тюрьмы города Брест, которая не была эвакуирована, начали грабить городские склады и магазины, «занялись пьянкой и приветствием вступления германских фашистских войск в город: «Да здравствует освободитель Гитлер» и т. д.». Часть охранников тюрьмы не успела уехать из города, и немцы с помощью заключенных отлавливали их и расстреливали.

ГУЛАГ в годы войны

Термин «ГУЛАГ» хорошо знаком каждому россиянину как Главное управление исправительных лагерей и в последние десятилетия ассоциируется с периодом сталинских репрессий 30-х гг. Через систему ГУЛАГа в те годы прошли сотни тысяч человек. Дармовой труд этих заключенных «эффективно» использовался при строительстве ряда крупных объектов и выполнении других работ хозяйственного плана.

Но вот началась Великая Отечественная война, которая затронула все стороны жизни советского общества. Не могла она обойти стороной и ГУЛАГ. Но по ряду причин этот вопрос в последующих исследованиях не поднимался.

Подполковник внутренней службы О.Н. Яковлева, пожалуй одна из первых, задалась этим вопросом и провела достаточно глубокое исследование. Она установила, что в системе Главного управления исправительных лагерей, трудовых поселений и мест заключения (ГУЛАГ НКВД СССР) на 1 января 1941 года находилось 53 исправительно-трудовых лагеря, 425 исправительно-трудовых колоний, 172 контрагентские колонии, 622 тюрьмы и 50 колоний для несовершеннолетних. Общее количество заключенных, содержащихся в этих учреждениях, составляло 1 млн 929 тыс. 729 человек.

Прежде всего, большое количество сотрудников уголовно-исполнительной системы были направлены на фронт и в прифронтовую полосу для выполнения различных боевых задач. На фронт были направлены 117 тыс. сотрудников уголовно-исполнительной системы – это свыше половины рядового и командного состава военизированной охраны, а также начальствующего и оперативного состава ИУ. Военизированная охрана перешла на военное положение с казарменным размещением всего личного состава.

В соответствии с указами Президиума Верховного Совета СССР от 12 июля и 24 ноября 1941 года из мест лишения свободы были досрочно освобождены некоторые категории заключенных, отбывавших наказание за малозначительные преступления. Подавляющее число этих людей через военкоматы были отправлены на фронт. Только в 1941 году на фронт по этой линии было направлено 480 тыс. человек, что составило около 25 % общего числа заключенных. В течение 1942–1943 гг. были досрочно освобождены и призваны в ряды Красной Армии еще 157 тыс. человек.

Изменился и порядок участия бывших заключенных в боевых действиях. Если в 1941 и 1942 гг. из них формировались штрафные роты, то с начала 1943 года начали создаваться обычные воинские части. Всего за три года войны на укомплектование Красной Армии было передано 975 тыс. осужденных.

Однако даже после этого еще очень большое количество осужденных оставались в местах заключения. Нужно было решать, что делать с этой массой людей, как лучше использовать их для решения оборонных задач?

Первой задачей, стоявшей перед правительством страны, стала эвакуация на восток предприятий из районов, которые оказались под угрозой захвата их противником. При этом сразу предусматривалось и развертывание этих предприятий на новом месте. Это было, прежде всего, связано с производством больших объемов погрузочно-разгрузочных работ, часть из которых производилась в непосредственной близости от противника, под ударами его авиации. На эти работы были направлены, прежде всего, рабочие данных предприятий (рабочий лично отвечал за демонтаж своего станка и сборку его на новом месте), а также заключенные.

Надо отметить, что разгрузочно-погрузочные операции производились быстро и точно. Так, первые эшелоны с оборудованием Людиновского локомотивного завода прибыли

из Украины в Сызрань 11 августа 1941 года, а уже 6 ноября предприятие выдало военную продукцию – минометные снаряды.

Заключенные расположенного неподалеку от Куйбышева Безымянского исправительно-трудового лагеря Особстроя НКВД СССР в сентябре – октябре 1941 года разгружали и складировали имущество 1-го государственного подшипникового завода, а затем помогали монтировать оборудование на новом месте. При этом велась переориентация данного предприятия на выпуск военной продукции. И уже в декабре 1941 года на данной базе был выпущен первый самолет – штурмовик Ил-2.

С началом войны около 60 крупных строек, не имевших непосредственного военно-стратегического значения, были закрыты. Так, строительство БАМа было не только остановлено, но даже значительная часть уложенных путей позже была демонтирована и перенаправлена на фронт (в частности, использовалась для строительства железнодорожной линии Сталинград – Сызрань – Ульяновск). Прекратилось строительство железной дороги на Салехард. Все заключенные, ранее задействованные на этих стройках, были перенацелены на выполнение других задач.

В годы Великой Отечественной войны работники системы ГУЛАГа вносили посильный вклад в развитие оборонной науки и техники. Так, в Молотов (ныне Пермь) были эвакуированы два тюремных конструкторских бюро. Из-под Москвы (Болшево) туда же эвакуировали Особое техническое бюро НКВД при Научно-исследовательском институте промышленности боеприпасов. Учреждение включилось в разработку баллистического пороха для «катюш» и новых технологий. Разработанная ими система непрерывного шнекового производства ракетных зарядов увеличила в два раза скорость их изготовления. Инженерами Ленинградского Особого конструкторского бюро № 172 на пушечном заводе в Мотовилихе были разработаны и внедрены в производство 45-мм противотанковая пушка М-42, модернизированная гаубица-пушка 152-мм МЛ-20 (для самоходки ИСУ-152), 122-мм самоходная гаубица повышенной мощности М-22, 76-мм дивизионная пушка БЛ-14, 85-мм противотанковая пушка БЛ-19 и др. За годы войны Мотовилихинским заводом было выпущено 48,6 тыс. пушек – каждая четвертая, произведенная в стране.

Заклученные также привлекались на оборонительное строительство, для чего из лагерей ГУЛАГа было выделено более 200 тыс. человек. Заклученные строили отдельные участки оборонительных рубежей под Москвой, Ленинградом, Сталинградом. Кроме того, они широко использовались для строительства запасных командных пунктов Ставки Верховного Главного Командования и Генерального штаба на рубеже Волги и за Уралом.

В частности, за счет ресурсов Вытегорского строительства и лагеря НКВД были обеспечены рабочей силой, продовольствием и материальными ресурсами полевые работы по строительству 2-го армейского Управления оборонительных работ НКО. За счет Беломоро-Балтийского лагеря НКВД – полевые работы по строительству Управления оборонительных работ Карельского и Северного фронтов.

В непростых условиях военного времени сотрудники уголовно-исполнительной системы изыскивали средства и возможности внести дополнительный вклад в дело приближения победы. Так, например, осенью 1941 года личный состав тюрьмы № 1 города Кирова организовал сбор средств на постройку эскадрильи самолетов. Коллектив Ивдельлага (Свердловская область) за годы войны на постройку танков и самолетов перечислил 3,5 млн рублей наличными и более 10 млн рублей облигациями.

Совместным трудом сотрудников, вольнонаемного персонала и заключенных в годы войны страна обеспечивалась лесом, углем, рудой, восстанавливала и строила новые предприятия. К основным направлениям народно-хозяйственной деятельности с использованием труда заключенных в годы Великой Отечественной войны можно отнести: – железнодорожное строительство, куда было направлено 448 тыс. заключенных);

- лесная промышленность (320 тыс. заключенных);
- промышленное строительство (310 тыс. заключенных);
- аэродромное и шоссейное строительство (268 тыс. заключенных);
- горно-металлургическая промышленность (171 тыс. заключенных);
- строительство оборонительных рубежей (200 тыс. заключенных).

С первых дней войны в системе ГУЛАГа непосредственно на местах было организовано производство, направленное на выполнение заказов для нужд фронта. Главным образом производился выпуск боеприпасов, спецупаковки, пошив обмундирования для Красной Армии, изготовление другой военной продукции. На базе заводов и заводиков системы ГУЛАГа производилось огромное количество боеприпасов, в их числе различного калибра мины, авиабомбы, авиационные осколочные бомбы типа «АО», ручные гранаты, противопехотные мины. Кроме того, в ИТЛ были организованы производство и поставка на фронт средств инженерного вооружения: грейдеров, катков, снегоочистителей, автобензоприцепов.

В целом же производство продукции заключенными исправительно-трудовых лагерей в годы войны охватывало 15 отраслей народного хозяйства. Только в течение 1942 года предприятиями ИТЛ было выпущено продукции на 1 млрд 290 млн рублей, что составило 108,3 % от предусмотренного планом.

К 1944 году заключенные работали на 650 предприятиях страны. Общий объем продукции, выпущенный этими предприятиями, составил 1 млрд 652 млн рублей. Кроме того, благодаря производственно-хозяйственной деятельности ИТЛ в государственный бюджет за 1944 год поступило накоплений в сумме 1 млрд 630 млн рублей, в доход государства сдано 767 млн рублей. При этом важно отметить, что в годы войны все колонии и лагеря перешли на самоокупаемость и не получали дотаций из государственного бюджета.

Заключенными решались даже творческие задачи. Так, для оборонной промышленности (авиастроение, танкостроение, артиллерия, транспорт, изготовление боеприпасов) были необходимы в большом количестве технические изделия из кожи. Для их производства требовались остродефицитные полуфабрикаты, которые поступали с перебоями. Заключенные Московской колонии № 1 НКВД России изобрели и сконструировали небольшую экспериментальную установку по изготовлению манжет из полихлорвиниловых масс, заменяющих кожаные полуфабрикаты. Производство экспериментальной партии позволило исключить из технологического процесса дефицитное сырье и обеспечило колоссальную экономию финансовых средств.

В годы войны силами заключенных обеспечивалось строительство объектов разного назначения. Были построены и введены в действие такие крупные промышленные объекты, как Актюбинский завод ферросплавов, Норильский никелевый, Новотагильский и Байкальский металлургический заводы, нефтепровод Астрахань – Саратов, Ухтинский нефтяной комбинат, Тавдинский, Канский, Красноярский, Любвинский гидролизные заводы по выработке спирта. Особо среди оборонных сооружений следует выделить пороховой завод в Соликамске, авиационные в Омске и Куйбышеве, аэродромы с твердым покрытием, в том числе заполярный в Уэлькале на трассе Москва – Америка.

Постановлением Государственного Комитета Обороны от 21 мая 1943 года, для обеспечения возможных боевых действий на Дальнем Востоке, на ГУЛАГ было возложено строительство железнодорожной линии Комсомольск – Советская Гавань и порта Ванино. Обе эти задачи были выполнены успешно.

Всего же за период 1941–1944 гг. строительными организациями НКВД было выполнено капитальных работ на 14,2 млрд рублей, что составило 14,9 % всех выполненных строительных работ по народному хозяйству СССР в целом, было построено и сдано в эксплуатацию: 612 оперативных аэродромов и 230 аэродромов с взлетно-посадочными полосами,

группа авиационных заводов в районе Куйбышева, 3 доменных печи общей мощностью 980 тыс. тонн чугуна в год, 16 мартеновских и электроплавильных печей производительностью 445 тыс. тонн стали, прокатные станы общей производительностью 542 тыс. тонн проката, 4 коксовые батареи производительностью 1 млн 740 тыс. тонн кокса, угольные шахты и разрезы общей производительностью 6 млн 790 тыс. тонн угля, 46 электрических турбин общей мощностью 596 тыс. киловатт, 3 тыс. 573 километра новых железных дорог, 4 тыс. 700 километров шоссейных дорог, 1 тыс. 58 километров нефтепроводов и другие объекты.

За этот период промышленными предприятиями НКВД было выдано: 315 тонн золота, более 14 тыс. тонн олова (в концентратах), 6 тыс. 795 тонн вольфрамового концентрата, 1 тыс. 561 тонн молибденового концентрата, 6 тыс. 511 тонн никеля электролитного, 6 тыс. 81 тонн меди черновой, 968 тыс. тонн хромитовой руды, 8 млн 924 тыс. тонн угля, 10 тыс. 150 тонн сажи газовой, 407 тыс. тонн нефти, 90 млн м³ леса и дров, произведено 30,2 млн штук мин. Удельный вес продукции предприятий НКВД в общем производстве по народному хозяйству СССР составил: по золоту – 64 %; по платине и палладию – 65 %; по оловянным концентратам – 82 %; по электролитному никелю – 71 %; по молибденовым концентратам – 27 %; по вольфрамовым концентратам – 34 %; по минам – 17 %. Несмотря на трудности, помимо высоких показателей трудовой активности заключенными было перечислено в Фонд обороны страны свыше 40 млн рублей добровольных взносов, а также значительное количество золота и серебра. Из предприятий ГУЛАГа в освобожденные районы страны в 1943–1944 гг. было передано 356 единиц разного оборудования, 160 тракторов, 170 автомашин, 30 комбайнов, 235 плугов, 62 сеялки.

Уже в 1944 году началась переориентация части ресурсов ГУЛАГа на нужды послевоенного развития. Хотя многие производства и стройки продолжали выполнять прежние задания, большинство производственных мощностей исправительной системы стало переоборатоваться на выпуск «мирной» продукции. Именно в это время было завершено строительство Угличской и Рыбинской электростанций, которое было приостановлено в 1941 году.

Тогда же НКВД получил ряд новых заданий Государственного Комитета Обороны по капитальному строительству и расширению производственной деятельности. В числе первоочередных задач были восстановление и строительство военно-морских баз в Таллине, Риге, на полуострове Порккала-Удд, строительство газопровода «Саратов – Москва», восстановление Беломорско-Балтийского канала, строительство Закавказского металлургического комбината и железной дороги Кировобад – Дашкесан, строительство Ивдельского и Бирюсинского гидролизных заводов мощностью на 500 тыс. декалитров спирта каждый, развитие нового месторождения коксующихся углей Хелмер-Ю, включая строительство железной дороги Воркута – Хелмер-Ю, строительство Ангренского и Волчанского угольных разрезов, расширение куйбышевского, краснодарского и дагестанского нефтепромыслов, строительство урановых рудников и заводов, а также второй очереди Тирно-Аузского вольфрамового комбината.

На 1 января 1945 года всего в исправительной системе НКВД насчитывалось 1 млн 460 тыс. человек. Из них 715,5 тыс. содержались в исправительно-трудовых лагерях и 745,2 тыс. в исправительно-трудовых колониях. Вскоре туда начали массово поступать лица из числа восточных рабочих, обвиненных в сотрудничестве с фашистами, освобожденных из лагерей бывших белогвардейцев, захваченных полицаев, власовцев и других.

В 1945 году перед ГУЛАГом была поставлена совершенно новая задача – обеспечить развитие атомной промышленности в СССР.

Таким образом, система ГУЛАГа продолжала функционировать на протяжении всего периода Великой Отечественной войны. В лагерях этой системы отбывали наказание самые разные люди, от уголовников, совершивших тяжкие преступления, до людей, осужденных

по политическим мотивам. Сама система четко вписывалась в общую структуру жизни и деятельности страны в условиях войны, являясь ее составной частью.

Штрафные формирования в РККА

После неудачного исхода Харьковской оборонительной операции (4–25 марта 1942 года) советские войска были вынуждены отступать к Дону, а затем к Волге. На отдельных направлениях это отступление ввиду напора превосходящих сил противника и потери управления советским командованием превращалось в бегство с элементами паники. Для того чтобы воспретить это, от 28 июля 1942 года был подписан приказ № 227 народного комиссара обороны СССР больше известный как приказ И.В. Сталина «Ни шагу назад!».

Сразу же надо сказать, что этот приказ не был секретным, так как он объявлялся во всех ротах, эскадронах, батареях, эскадрильях, командах и штабах. Но затем советские историки предпочли о нем умалчивать. Порой он даже публиковался только под грифом «Для служебного пользования».

На самом же деле приказ в своей первой части гласил:

«Враг бросает на фронт все новые силы и, не считаясь с большими для него потерями, лезет вперед, рвется в глубь Советского Союза, захватывает новые районы, опустошает и разоряет наши города и села, насилует, грабит и убивает советское население. Бои идут в районе Воронежа, на Дону, на юге у ворот Северного Кавказа. Немецкие оккупанты рвутся к Сталинграду, к Волге и хотят любой ценой захватить Кубань, Северный Кавказ с их нефтяными и хлебными богатствами. Враг уже захватил Ворошиловград, Старобельск, Россошь, Купянск, Валуйки, Новочеркасск, Ростов-на-Дону, половину Воронежа».

Но далее, говоря о сопротивлении отдельных соединений и частей Красной Армии говорилось:

«Часть войск Южного фронта, идя за паникерами, оставила Ростов и Новочеркасск без серьезного сопротивления и без приказа из Москвы, покрыв свои знамена позором. Население нашей страны, с любовью и уважением относящееся к Красной Армии, начинает разочаровываться в ней, теряет веру в Красную Армию, а многие из них проклинают Красную Армию за то, что она отдает наш народ под ярмо немецких угнетателей, а сама утекает на восток. Некоторые неумные люди на фронте утешают себя разговорами о том, что мы можем и дальше отступать на восток, так как у нас много территории, много земли, много населения и что хлеба у нас всегда будет в избытке. Этим они хотят оправдать свое позорное поведение на фронтах. Но такие разговоры являются насквозь фальшивыми и лживыми, выгодными лишь нашим врагам».

После этого в приказе шло напоминание о том, что «Каждый командир, каждый красноармеец и политработник должны понять, что наши средства безграничны. Территория Советского Союза – это не пустыня, а люди – рабочие, крестьяне, интеллигенция, наши отцы и матери, жены, братья, дети. Территория СССР, которую захватил и стремится захватить враг, – это хлеб и другие продукты для армии и тыла, металл и топливо для промышленности, фабрики, заводы, снабжающие армию вооружением и боеприпасами, железные дороги. После потери Украины, Белоруссии, Прибалтики, Донбасса и других областей у нас стало меньше территории, стало быть, стало намного меньше людей, хлеба, металла, заводов, фабрик. Мы потеряли более 70 млн населения, более 80 млн пудов хлеба в год и более 10 млн тонн металла в год. У нас нет уже преобладания над немцами ни в людских ресурсах, ни в запасах хлеба. Отступать дальше – значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину. Каждый новый клочок оставленной нами территории будет всемерно усиливать врага и всемерно ослаблять нашу оборону, нашу Родину».

И только после этого в приказном порядке указывалось: «надо в корне пресекать разговоры о том, что мы имеем возможность без конца отступать, что у нас много территории, страна наша велика и богата, населения много, хлеба всегда будет в избытке. Такие разго-

воры являются лживыми и вредными, они ослабляют нас и усиливают врага, ибо если не прекратим отступления, останемся без хлеба, без топлива, без металла, без сырья, без фабрик и заводов, без железных дорог.

Из этого следует, что пора кончить отступление.

Ни шагу назад! Таким теперь должен быть наш главный призыв».

Ставился вопрос – чего же не хватает для того, чтобы остановить наступление врага? Приказ отвечал и на этот вопрос. Так, указывалось: «Не хватает порядка и дисциплины в ротах, полках, дивизиях, в танковых частях, в авиаэскадрильях. В этом теперь наш главный недостаток».

Для устранения этого главного недостатка предписывалось принимать неотложные и самые жесткие меры. Указывалось: «Нельзя дальше терпеть командиров, комиссаров, политработников, части и соединения которых самовольно оставляют боевые позиции. Нельзя терпеть дальше, когда командиры, комиссары, политработники допускают, чтобы несколько паникеров определяли положение на поле боя, чтобы они увлекали в отступление других бойцов и открывали фронт врагу.

Паникеры и трусы должны истребляться на месте.

Командиры роты, батальона, полка, дивизии, соответствующие комиссары и политработники, отступающие с боевой позиции без приказа свыше, являются предателями Родины. С такими командирами и политработниками и поступать надо как с предателями Родины».

Но это только призывы и угрозы. Нужно было выработать четкий механизм достижения поставленных целей. И в этом деле, как это часто бывает на войне, невольно помощь оказал противник. Так, в приказе № 227 указывалось:

«После своего зимнего отступления под напором Красной Армии, когда в немецких войсках расшаталась дисциплина, немцы для восстановления дисциплины приняли некоторые суровые меры, приведшие к неплохим результатам. Они сформировали 100 штрафных рот из бойцов провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, поставили их на опасные участки фронта и приказали им искупить кровью свои грехи. Они сформировали, далее, около десятка штрафных батальонов из командиров, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, лишили их орденов, поставили их на еще более опасные участки фронта и приказали им искупить свои грехи. Они сформировали, наконец, специальные отряды заграждения, поставили их позади неустойчивых дивизий и велели им расстреливать на месте паникеров в случае попытки самовольного оставления позиций и в случае попытки сдаться в плен. Как известно, эти меры возымели свое действие, и теперь немецкие войска дерутся лучше, чем они дрались зимой».

На основании немецкого опыта было приказано:

«Сформировать в пределах фронта от 1 до 3 (смотря по обстановке) штрафных батальонов (по 800 человек), куда направлять средних и старших командиров и соответствующих политработников всех родов войск, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на более трудные участки фронта, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления против Родины...

Сформировать в пределах армии от 5 до 10 (смотря по обстановке) штрафных рот (от 150 до 200 человек в каждой), куда направлять рядовых бойцов и младших командиров, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на трудные участки армии, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления перед Родиной».

Таким образом, штрафные батальоны о которых особенно часто стало «модным» говорить в последнее время, формировались исключительно из провинившихся средних и старших командиров и соответствующих политработников. При направлении в такой батальон с офицеров снимали знаки отличия, награды, и они временно становились рядовыми. Коман-

довали такими подразделениями исключительно строевые офицеры, не являвшиеся штрафниками. Время пребывания в штрафном батальоне было ограниченным, по истечении которого все уцелевшие штрафники восстанавливались в воинском звании, им возвращались их награды, а сами они возвращались в свои части.

Штрафные роты комплектовали провинившимися младшими командирами и рядовыми бойцами. Кроме того, туда могли направляться заключенные, пожелавшие искупить кровью свою вину перед Родиной и народом. Все они носили военную форму, но без знаков различия и наград. Командирами взводов и, тем более, штрафной роты, были строевые офицеры, не являвшиеся штрафниками. Причин перевода из штрафной роты в строевую было несколько. Первая – после ранения, полученного в бою. Вторая – после случая явного проявления храбрости по ходатайству командира роты. Третья – после длительного периода участия в боевых действиях и при отсутствии замечаний в трусости. Но последний случай практиковался крайне редко.

На сержантские должности по приказу командира батальона, как правило, назначались штрафники, отличившиеся в боях или проявившие высокие организаторские качества. Но при этом никаких льгот для их боевой службы по сравнению с рядовым составом не было.

Исследователь истории штрафных подразделений полковник юстиции А.В. Мороз пишет, что на Сталинградском фронте сразу же после объявления приказа № 227 в августе 1942 года приступили к формированию по временным штатам двух штрафных батальонов, которым, соответственно, были присвоены номера 1 и 2. Но в связи с быстрой сменой обстановки вскоре эти батальоны оказались в полосе Донского фронта. Кроме того, стало ясно, что данный фронт укомплектовать их личным составом не сможет. Поэтому приказом по войскам № 09/0125 от 30 сентября 1942 года 2-й отдельный штрафной батальон был расформирован, а его командный и политический состав в количестве 33 человек направлен на доукомплектование 1-го батальона.

Командный состав батальона был представлен строевыми офицерами, имевшими боевой опыт и отличавшимися решительностью и требовательностью. Командиром 1-го штрафного батальона был назначен гвардии майор Григорьев Яков Федорович, комиссаром – батальонный комиссар Лавренюк Павел Прохорович, начальником штаба – капитан Лобань Григорий Иванович. За батальоном закреплялся оперуполномоченный особого отдела НКВД фронта лейтенант госбезопасности Ефимов Павел Тимофеевич. Кадровыми офицерами были заместитель командира батальона по строевой части, офицеры штаба и политаппарата, командиры и политруки трех стрелковых рот и роты противотанковых ружей, командиры взводов, несколько интендантов, военврач и военфельдшер. Помимо этих офицеров, в ротах на постоянной основе служили шесть сержантов и красноармейцев (писарь-каптенармус, санинструктор и четыре санитар-носильщика). Также из нештрафников состоял взвод снабжения и предусмотренный штатом позднее комендантский взвод.

Всего по состоянию на 15 августа 1942 года в 1-м отдельном штрафном батальоне числились 95 военнослужащих постоянного состава (из них 29 сверх штата до особого распоряжения). Это были проверенные боями люди. Командира и военного комиссара ОШБ подбирал и утверждал Военный совет фронта. Комбату и штабу разрешалось подыскивать подходящих командиров рот и взводов в Отдельном полку резерва офицерского состава (ОПРОС) и отчислять тех, кто надежд не оправдывал.

Снятие офицеров с занимаемых ими должностей имело место. Так, в одном из приказов командира 1-го отдельного штрафного батальона мы читаем: «За попытку уклонения от командировки к передовой линии фронта, командира стрелковой роты капитана Юхту Ивана Даниловича от занимаемой должности отстраняю, направляю в отдел кадров фронта и ходатайствую перед Военным советом о снижении его в звании до лейтенанта». Также его приказами было откомандировано и несколько командиров взводов.

По решению советского командования трудности службы в отдельном штрафном батальоне для строевых офицеров компенсировались несколькими моментами. Во-первых, воинские звания для командиров штрафных подразделений были на ступень выше, чем для строевых. Во-вторых, офицеры штрафных частей пользовались льготной выслугой: сутки числили за шесть.

С первых дней августа в 1-й батальон, формировавшийся в селе Самофаловка (ныне Дубовского района Волгоградской области), начали поступать разжалованные в рядовые вчерашние офицеры. Из них начали комплектовать стрелковые роты и роту ПТР.

В последующем 1-й штрафной батальон последовательно перемещался по хуторам Терновка, Попов, Ширяевский. За всю войну он, как и другие штрафные части, ни разу в крупном населенном пункте не размещался, ни одного крупного населенного пункта не освобождал. Он всякий раз решал только вспомогательные задачи, хотя и самые опасные. Важнейшей из них была разведка боем, проводившаяся на фронте предстоящего наступления дивизии с целью вскрытия огневых точек противника.

Еще до непосредственного вступления в бои батальон понес первые потери и были наложены первые дисциплинарные взыскания. Так, 19 августа 1942 года был отправлен в госпиталь раненым первый боец-переменник, старший лейтенант. В тот же день при налете немецкой авиации на станцию Котлубань осколок сразил командира 1-й стрелковой роты капитана Спиридона Черного. Его похоронили в Самофаловке на сельском кладбище.

Первое взыскание – строгий арест – гвардии майор Григорьев, пользовавшийся дисциплинарной властью командира дивизии, объявил двум бойцам-переменникам (старшим лейтенантам) за то, что для обустройства батальона те похитили в соседнем колхозе стройматериалы.

Первой в батальоне удостоилась благодарности начальник санитарной службы военврач 3-го ранга Родина, которая под обстрелом противника оказала первую помощь раненому начальнику финансовой службы и вынесла его вместе с батальонными ценностями.

2 октября 1942 года командир батальона Григорьев получили приказ из штаба фронта. Он требовал сформировать маршевую роту численностью 116 человек и обоз (6 лошадей и 3 повозки). На вооружение этой роты было передано 2 станковых и 12 ручных пулеметов, 36 автоматов ППШ и 60 винтовок. После формирования она должна была по маршруту Терновка – Ширяевский – Б. Ивановка – Лозное прибыть в распоряжение командующего 24-й армией генерал-майора И.В. Галанина и к исходу 3 октября сосредоточиться в селе Садки.

Вскоре после этого туда же была направлена и вторая маршевая рота примерно такого же состава.

Первые серьезные потери 1-й отдельный штрафной батальон понес во время боев в районе высоты 108,4, что у села Котлубань. Там, как сказано в приказе, «проявив отвагу и мужество, погибли смертью храбрых 19 бойцов-переменников и один командир взвода, 28 бойцов-переменников получили ранения. Все погибшие были захоронены на южных скатах той же высоты».

3 ноября 1942 года гвардии майора Григорьева на посту командира 1-го отдельного штрафного батальона сменил гвардии майор Бурков Дмитрий Ермолаевич.

25 ноября 1942 года распоряжением начальника Главного организационно-штатного управления Главного управления формирования частей Красной Армии № орг. /2/78950 штрафным батальонам всех фронтов были присвоены номера. В связи с этим 1-й ОШБ Донского фронта получил номер 8 и под этим номером воевал до самой Победы.

Теперь хочется сказать несколько слов о том, что представлял собой переменный состав данного отдельного штрафного батальона. Имеются сведения о том, что только в период с 1 августа по 30 декабря 1942 года в отдельном штрафном батальоне Сталинградского (Донского) фронта в качестве рядовых воевали бывший начальник штаба дивизии,

начальник штаба танковой бригады, начальник политотдела стрелковой бригады, военные комиссары дивизии, танковой и стрелковой бригад, 12 командиров полков и 5 командиров батальонов, 40 командиров рот и батарей, 26 политруков, 81 командир взвода. Кроме того, через этот батальон за первые пять месяцев прошли начальник госпиталя, начальник склада НКО СССР вместе с военкомом этого же склада, райвоенком, начальник военторга, ответственный секретарь бюро ВЛКСМ, начальник клуба, секретарь военного трибунала, оперуполномоченный особого отдела НКВД, военфельдшер.

Использовался данный батальон и для исправления кровью летчиков. Среди его воинов были 4 командира авиационных авиазвеньев, 2 штурмана эскадрильи, 8 авиатехников, 2 бортмеханика.

Штрафникам под Сталинградом, как и всей армии в те дни, жилось очень тяжело. Распорядком дня ежедневно предусматривалось 10 часов занятий. Горячую пищу готовили только на завтрак и обед. Но что это была за пища? Военврач 3-го ранга Родина доносила по команде: «Половина муки непригодна для выпечки хлеба, соли нет, картофеля последние двадцать дней – тоже. Из овощей в наличии лишь соленые огурцы и помидоры. Витаминные продукты не поступали со дня основания батальона. 30 и 31 декабря 1942 года все блюда на завтрак и обед готовились из пшеничной муки». Ужин в распорядке дня не значился вовсе. Поэтому неудивительно, что во время боев под Сталинградом до трети бойцов и офицеров вели бои, как сказано в документе, с проявлениями туляремии, болями в желудке, метеоризмом (вздутием живота), с высокой температурой.

В то же время из числа штрафников во время боев под Сталинградом за мужество было много реабилитированных досрочно. Кроме того, было много восстановленных в званиях посмертно. И это неудивительно. Так, в 1-м (8-м) отдельном штрафном батальоне с 1 августа по 30 декабря 1942 года из 177 человек, направленных туда по приказу «о трусости», и 154 – по суду, 71 человек был убит и 138 получили ранения.

Вначале всегда, а затем – как правило, реабилитация обставлялась определенной торжественностью. Приказ войскам объявлялся перед строем. Затем представители штаба и политуправления фронта возвращали восстановленным в правах ордена и медали, а позднее – вручали полевые погоны с прежними знаками различия. После этого выдавались на руки предписания: одним – убить в свою часть, другим – в отдельный полк резерва офицерского состава фронта, третьим (по особому указанию) – в отдел кадров округа.

Приказы о восстановлении в правах офицерского состава и воинских званиях составлялись отдельно по погибшим, раненым, освобождаемым досрочно за подвиги на поля боя и полностью отбывшим срок. Они были развернутыми, с биографическими данными офицеров и их краткой характеристикой. Так, в выписке из приказа № 0988 по войскам 1-го Белорусского фронта от 11 июня 1944 года указывалось: «Бывший командир пульроты 4-го стрелкового полка 10-й запасной стрелковой бригады капитан Хохлов Михаил Сергеевич, 1913 года рождения, уроженец Башкирской ССР, г. Уфа, ул. Таботская, д. 41. Русский, служащий, беспартийный, образование: общее – 8 классов, военное – пехотное училище в 1938 году, в Красной Армии с 1934 года. В батальон прибыл 7.4.44 г. сроком на 2 месяца по приговору военного трибунала 10-й зсбр, осужден по ст. 193–3 (за самовольное оставление поля сражения во время боя) сроком на 8 лет ИТЛ. За время пребывания в батальоне показал себя смелым и решительным бойцом. 13.6.1944 г., участвуя в разведке, действовал энергично и смело. Получил слепое ранение в область поясницы с повреждением правой почечной капсулы, госпитализирован».

Всего же этим приказом были реабилитированы 20 штрафников-офицеров.

Но некоторые офицеры, прошедшие через штрафной батальон, в последующем не пожелали расставаться с этим подразделением. Так, в летописи 8-го отдельного штрафного батальона зафиксирован случай, когда только что реабилитированного офицера – старшего

лейтенанта Николая Буравникова по его просьбе оставили командиром взвода во 2-й роте штрафбата.

10 мая 1943 года командиром 8-го отдельного штрафного батальона был назначен подполковник Осипов Аркадий Александрович. Эта часть участвовала в Курской битве, во время которой понесла очень большие потери. Так, подсчитано, что в оборонительных и наступательных боях на Курской дуге из состава батальона погибло 143 человека и 375 получили ранения.

Не обходилось и без казусов. Однажды штаб батальона доложил, что в одной из рот, которая действовала в отрыве от батальона, четыре бойца-переменника погибли и захоронены в братской могиле, а один пропал без вести. Но спустя три месяца выяснилось, что все они попали в плен, но затем сумели бежать и вернулись из-за линии фронта.

В дело батальона по этому поводу вшит приказ по фронту, отпечатанный типографским способом. Он гласит: «за ослабление контроля, предоставление непроверенных данных начштаба 8-го отдельного штрафного батальона майор Носач В.А. переводился адъютантом старшим обычного стрелкового батальона в 240-й стрелковый полк, а подполковнику Осипову А.А. объявлялось предупреждение».

Данный эпизод не был характерным для А.А. Осипова, который рассматривал его не как штрафное подразделение, а как боевую единицу. Об этом свидетельствует такой факт. Когда 8-й отдельный штрафной батальон находился в распоряжении командующего 3-й армией генерал-лейтенанта А.В. Горбатова, Осипов предложил командарму вместо разведки боем, дела весьма кровавого, добыть языка. Горбатов согласился.

Ночью комбат переправил за реку к противнику группу штрафников, которые искусно замаскировались у самой кромки воды. В это время основной состав батальона развернул на своем берегу «строительство»: одни почти на виду тесали бревна топорами, другие в глубине леса стучали по стволам деревьев пехотными лопатами. Было не понятно, готовят советские войска форсирование или оборону?

Противник не выдержал и выслал в следующую ночь разведку. Ее обнаружила группа, находившаяся на противоположном берегу реки. Вражеские солдаты были уничтожены без выстрелов, ножами, а офицера и двух солдат доставили в штаб 3-й армии.

В следующий раз при освобождении Рогачева, родного для Осипова города, комбат по приказу командарма только одному ему известными тропами вывел отдельный штрафной батальон в тыл противника, организовал засады и развернул дерзкие диверсии на коммуникациях. Тогда огнем из засады был уничтожен даже один генерал.

1 августа 1944 года полковник Осипов сдал командование 8-м отдельным штрафным батальоном подполковнику Батурину Николаю Никитовичу. С ним штрафники пошли дальше на запад, уже за пределы своего Отечества.

Хотя Батурина подчиненные и недолюбливали – сыпал взысканиями направо и налево, – батальон успешно решал боевые задачи. Многие из командиров рот и взводов были награждены, в том числе орденами Красного Знамени, Александра Невского, и даже Богдана Хмельницкого III степени.

7 мая 1945 года приказом командующего войсками 1-го Белорусского фронта Г.К. Жукова весь переменный состав 8-го отдельного штрафного батальона был восстановлен в правах офицерского состава и воинских званиях. После этого офицеры начали разъезжаться по своим частям. В то же время в батальон вплоть до 20 июля 1945 года прибывали те из проштрафившихся, кого конец войны застал на пути в ОШБ. Но и их, подготовив соответствующие документы, сразу же отправляли обратно в свои части.

Последний приказ по 8-му отдельному штрафному батальону Группы советских оккупационных войск в Германии был датирован 7 августа 1945 года. Он гласил: «Я, командир ОШБ подполковник Батурин Николай Никитович, с сего числа убываю в распоряжение ОК

ГСОВГ для дальнейшего прохождения службы, а для сдачи в архив дел оставляю начальника штаба майора Киселева Филиппа Андреевича. Основание: отношение ОК ГСОВГ № 02255 от 27 июля 1945 г.».

Имел место случай, когда в разряд штрафных был переведен целый полк во главе с командиром. Это был 214-й кавалерийский полк, который с мая 1942 года очень достойно воевал на Кавказе. С апреля 1944 года полком командовал гвардии подполковник Е.В. Данилевич.

23 октября 1944 года 214-й кавалерийский полк 63-й кавалерийской дивизии 3-го Украинского фронта, действуя на территории Венгрии, перешел в наступление. Но вскоре после этого противник атаковал полк во фланг танками и большой группой пехоты. Пришлось вырываться из окружения, но при этом было утеряно Боевое знамя полка.

Найти знамя не удалось, и Военный совет фронта сообщил об этом наркому обороны. Сталин отреагировал приказом № 0380 от 23 ноября 1944 года о переводе полка в разряд штрафных. При этом Е.В. Данилевич был понижен в воинском звании, остальные офицеры практически не пострадали, и наград у личного состава, как это делалось в штрафных батальонах и ротах, никто не отбирал. Более того, на следующий после объявления приказа НКО № 0380 командир дивизии от имени Президиума Верховного Совета СССР вручил ряду офицеров и красноармейцев ордена и медали, которыми те были награждены за предыдущие бои. Е.В. Данилевич также получил орден Красной Звезды.

После этого полк продолжал сражаться в составе своего соединения наряду с остальными частями. В феврале 1945 года по ходатайству Военного совета 3-го Украинского фронта полк был выведен из разряда штрафных с правом вновь получить Боевое красное знамя. Полк же был расформирован 20 сентября 1945 года.

Уже после окончания войны Е.В. Данилевич стал полковником, а действительную военную службу закончил в 1955 году заместителем командира 33-й гвардейской механизированной дивизии. К моменту увольнения в запас в 1955 году в числе наград он имел орден Ленина, три ордена Красного Знамени, ордена Суворова III степени, Отечественной войны I степени и Красной Звезды.

Имели место случаи, когда в штрафные подразделения направляли и женщин. В выписке из одного приказа было указано: «В период наступательных боев в районе деревни Соковинка бывший боец переменного состава Лукьянчикова Пелагея Ивановна, исполняя должность санитарки стрелковой роты, самопожертвенно презирая смерть, оказывала помощь раненым непосредственно на поле боя. В период боев с 15 по 24 июля ею вынесено 47 раненых бойцов с их оружием. Отмечая героизм, изъятый товарищем Лукьянчиковой, объявляю ей благодарность и представляю к правительственной награде». Представление к правительственной награде гарантировало немедленный перевод военнослужащего из штрафного батальона в строевую часть.

Приказом НКО СССР № 413 от 21 августа 1943 года командирам полков действующей армии и командирам дивизий в военных округах и на недействующих фронтах разрешалось своей властью направлять в штрафные роты солдат и сержантов за самовольные отлучки, дезертирство, неисполнение приказа и некоторые другие воинские преступления. Но это имело место только в том случае, если обычных мер дисциплинарного воздействия было недостаточно.

Офицерского состава этот приказ не касался. Офицера по-прежнему мог направлять в штрафбат командир дивизии, равный или более высокий начальник только за нарушение дисциплины по трусости или неустойчивости в бою. При всех других преступлениях судьбу виновного определял военный трибунал. Если суд выносил приговор с отсрочкой его исполнения до окончания боевых действий и направлением осужденного для искупления вины

на передовую линию фронта, те же командиры своими приказами и направляли лишённого звания офицера в отдельном штрафном батальоне на срок от одного до трех месяцев.

По мере очищения от врага оккупированных территорий набирал силу новый источник пополнения штрафных частей. Это были военнопленные, оставшиеся в живых и освобожденные, а также окруженцы, отставшие от своих частей. Отношение к этим людям определялось приказом Ставки Верховного Главного Командования Красной Армии № 270 от 16 августа 1941 года.

Всех побывавших в плену и в окружении противника проверяла комиссия Военного совета фронта. Как правило, она состояла из председательствующего (представителя политуправления фронта) и двух членов – старшего оперуполномоченного контрразведки Смерш и заместителя командира полка по политчасти. Выводы комиссия излагала в протоколе. После утверждения протокола на титульном листе командующим фронтом и членом Военного совета фронта он обретал силу приказа.

По решению комиссии в виде наказания отдельные лица направлялись в штрафные батальоны. Иногда такое направление было массовым. Так, по протоколу № 61 от 16 мая 1944 года в 8-й отдельный штрафной батальон было направлено сразу 52 человека. С каждым из них следовал сопроводительный документ с краткой биографической справкой и изложением проступка. Например:

«Жданов Петр Григорьевич – воентехник, начальник оружейной мастерской 77-го стрелкового полка 10-й дивизии НКВД, 1911 года рождения, уроженец города Быхов Могилевской области, белорус, рабочий, кандидат в члены ВКП(б) с 1939 года, образование: общее – 10 классов, военное – курсы оружейных техников в 1938 году. В Красной Армии с 1933-го по 1934-й и с 1939 года, имеет 2 ранения.

3.08.1941 года попал в окружение с группой из 30 человек в районе деревни Подвысокое и был ранен. Дойдя до Первомайска, затем до Николаева, повернул назад в свой город. В Быхов прибыл 20.10.41 года и жил до 4.10.43 года, занимаясь сельским хозяйством.

4.10.43 года вступил в партизанский отряд № 152 11-й бригады, где был командиром взвода до соединения с частями Красной Армии 24.02.44 года, после чего был направлен в 58-й армейский запасный стрелковый полк. Никаких документов, подтверждающих правдивость изложенного, нет. Красноармейскую книжку уничтожил.

Решение: Жданова П.Г. направить в штрафной батальон сроком на 1 месяц».

Согласно Перечню стрелковых частей и подразделений (отдельных батальонов, рот, отрядов) действующей армии, составленному Генеральным штабом в начале 60-х годов прошлого века, всего за годы войны было создано 65 отдельных штрафных батальонов (ОШБ) и более 1 тыс. штрафных рот (ОШР). Но этот перечень не точный. Дело в том, что в нем одна и та же штрафная часть может упоминаться и дважды, и трижды, каждый раз под другим номером. В частности, 1-й отдельный штрафной батальон, о котором речь велась выше, в одной строке проходит под этим номером, в другой – как 8-й отдельный штрафной батальон Донского, Центрального, а затем 1-го Белорусского фронтов. Еще большая путаница происходила в отношении отдельных штрафных рот.

В завершение хотелось бы рассказать о судьбе еще одного штрафника – Карпова Владимира Васильевича. Перед самой войной он, будучи курсантом выпускного курса Ташкентского танкового училища, по доносу другого курсанта был арестован за антисоветскую пропаганду и осужден на 5 лет исправительно-трудовых лагерей. Но осенью 1942 года осужденному Карпову была представлена возможность смыть кровью судимость. В составе других заключенных он был направлен на фронт и включен в состав 45-й штрафной роты Калининского фронта. Эта рота для выполнения боевых задач придавалась 629-му стрелковому полку 134-й дивизии, командиром которого был подполковник А.К. Кортуннов.

Два месяца В.В. Карпов ходил в атаки в составе штрафной роты. Вскоре отважного бойца заметил командир полка и в начале 1943 года добился того, чтобы он был переведен в обычную роту. Спустя некоторое время рядовой Карпов был переведен во взвод пешей разведки. В этом качестве он быстро освоил дорогу в тыл противника, начал добывать ценные сведения, приводить языков.

А.К. Картунов в очередной раз начал хлопотать об отважном бойце, добился присвоения ему офицерского звания и назначил командиром взвода пешей разведки. Выбор оказался удачным – командир и штаб полка всегда имели свежие достоверные сведения о противнике, которые оченьгодились в период наступательных боев. По количеству добытых языков Владимир Васильевич был «чемпионом» своего фронта.

Тогда командир полка пошел еще дальше – начал хлопотать о представлении старшему лейтенанту В.В. Карпову звания Героя Советского Союза. Это был невиданный для того времени случай, и, естественно, первые представления получили отказ. Но А.К. Картунов, который сам стал Героем Советского Союза, не отступал. Дело завершилось тем, что когда в полк прибыл член Военного совета армии, Алексей Кириллович пригласил В.В. Карпова и попросил высокого политработника объяснить офицеру причину отказов на его представления. После этого вскоре Владимир Васильевич Карпов был удостоен звания Героя Советского Союза.

В завершение этой необычной истории хочу сказать, что в процессе работы над книгой о А.К. Картунове я познакомился и несколько раз встречался с В.В. Карповым. После войны он окончил Военную академию имени М.В. Фрунзе, дослужился до полковника. Затем занялся литературной работой, был председателем Союза писателей СССР. Свою историю он описал в книге «Судьба разведчика».

Также необычно сложилась и судьба А.К. Картунова. Приняв стрелковый полк весной 1942 года, он привел его в Берлин. А после войны Алексей Кириллович стал первым организатором и министром газовой промышленности СССР. Именно он заложил основы газовой отрасли, благодаря которой «голубое топливо» греет нас и сегодня.

Штрафные батальоны и роты прошли не только через всю войну с Германией, но создание их было предусмотрено и при подготовке войны с Японией. Так, на Забайкальском фронте постоянный состав штрафбата был сформирован из офицеров 26-й окружной школы снайперов, а начальник этой школы майор Марченко Федор Степанович стал командиром батальона. Однако из-за скоротечности войны в Маньчжурии укомплектовать переменным составом не успели.

На основании детального изучения фондов частей, хранящихся в Центральном архиве Минобороны РФ получается, что всего за годы Великой Отечественной войны было сформировано 38 отдельных штрафных батальонов и 516 отдельных штрафных рот. Сколько человек «прошло» через эти подразделения – точно не известно, но сомнений нет, что их было достаточно много. Также нет сведений о том, сколько из них погибли как штрафники. Дело в том, что после гибели военнослужащего в составе штрафного подразделения считалось, что он искупил кровью свой проступок перед Родиной, и семье направлялась похоронка с обычной трактовкой.

* * *

В годы Великой Отечественной войны, наряду с частями сухопутных войск, также создавались штрафные эскадрильи в ВВС. На комплектование этих эскадрилий поступали летчики, проявившие трусость в воздушном бою, при штурмовке или бомбардировке цели, а также технические специалисты, плохо обслуживавшие самолеты. При этом почему-то не бралось в расчет то, что летчик, униженный и оскорбленный положением штрафника, лишен-

ный, пусть и временно, заслуженного звания, наград, в знак протеста мог перелететь на сторону противника и предпочесть позору плен. Советская идеология не допускала такого, да и о таких случаях историкам не известно.

Вместе с тем с началом войны дисциплинарные проступки среди военнослужащих, в том числе и среди летного состава, были не редкими. К примеру, в одном из дел на пилота 1-й эскадрильи 6-го истребительного авиаполка младшего лейтенанта В.В. Копейкина было указано:

«Тов. Копейкин с первых дней войны допускал халатное отношение к боевой работе, проявлял недисциплинированность, выражавшуюся в пьянках, из которых одна со стрельбой... Эта недисциплинированность в конце концов привела к грубому летному происшествию – допустил промах на посадке и столкновение с другим самолетом на пробеге. За эти факты тов. Копейкин осужден военным трибуналом в декабре 1941 года к десяти годам».

Но реально вместо исправительно-трудовых лагерей младший лейтенант В.В. Копейкин в феврале 1942 года был направлен в 6-й истребительный авиаполк для переучивания на новой матчасти. Он там провинился – по рассеянности не переключил топливный бак и совершил вынужденную посадку.

После этого в аттестации Копейкина старшим начальником был сделан вывод: «Имеет большое стремление искупить вину. Должности пилота соответствует, но требует контроля со стороны начальников».

После выхода в свет приказа № 227 в штабах ВВС начали задумываться о том, как применять его в отношении летного состава. Выход был найден самый простой – приказ механически был распространен на все части ВВС. Полковник юстиции А.В. Мороз, детально занимавшийся этим вопросом, правовой документ о формировании штрафной эскадрильи обнаружил в архивных делах 811-го штурмового полка 206-й штурмовой дивизии. Положение было подписано начальником штаба 8-й воздушной армии полковником Н. Селезевым и военкомом штаба старшим батальонным комиссаром В. Ануфриковым, а утверждено командующим армией генерал-майором авиации Т. Хрюкиным и военкомом армии бригадным комиссаром А. Вихоревым.

Задачу организации штрафных эскадрилий положение определило так: предоставить возможность летчикам, стрелкам-бомбардирам, техникам и механикам, уличенным в саботаже, проявлении элементов шкурничества, уклонении от полетов, путем выполнения ответственных боевых заданий на самых опасных участках и направлениях искупить свою вину перед Родиной.

Далее в документе было сказано, что перечисленные выше лица, независимо от занимаемых должностей, направляются в штрафные эскадрильи распоряжением командира дивизии с последующим оформлением и отдачей приказа по личному составу воздушной армии. Отчисление из штрафной эскадрильи осуществляется по представлению командира дивизии приказом командующего армией.

Предусматривалось создание штрафных эскадрилий трех типов:

а) истребительной на самолетах Як-1 и ЛаГГ-3; б) штурмовой на Ил-2; в) легкомбомбардировочной на У-2. Каждая эскадрилья содержалась по штату неотдельной эскадрильи десятисамолетного состава и подчинялась непосредственно командиру той дивизии, в которой была оформлена решением командования воздушной армии.

Как и в штрафбате, руководящий состав штрафной эскадрильи подбирался из нештрафников. Он включал пять человек: командира и военного комиссара эскадрильи, заместителя командира, адъютанта старшего (начальник штаба) и старшего техника. На командование эскадрилий и дивизий возлагалась обязанность тщательно учитывать всю боевую работу штрафников, и только на основании этих учетных данных возбуждать ходатайство о переводе их в строевые части.

Весь остальной командный, рядовой летный и технический состав эскадрильи укомплектовывался за счет штрафников. Положение предусматривало единственное исключение: при неуккомплектованности штрафной легкобомбардировочной эскадрильи стрелками-бомбардирами командиру дивизии разрешалось замещать эти должности нештрафниками.

Положение не разрешало представлять штрафников к государственным наградам, лишало их полагавшегося другим летчикам денежного вознаграждения за боевые успехи в порядке приказов НКО СССР № 0299, 0489 и 0490, а также процентной надбавки за выслугу лет. Пребывание в штрафной эскадрилье не засчитывалось в срок, определявший присвоение очередного воинского звания. Кроме того, штрафники, независимо от должности, которую занимали в строевой части, удовлетворялись денежным содержанием по должности, которую им определили в штрафной эскадрилье, с процентной надбавкой за пребывание на фронте.

Таким образом, документ о штрафниках ВВС получился даже более суровым, чем Положение о штрафбате для сухопутных сил РККА. Штрафников в пехоте, как мы знаем, за подвиги к государственным наградам представляли. Они заранее знали, на какой срок направлены в штрафной батальон или роту – этот срок не мог превышать трех месяцев. Ранение, каким бы ни был его характер, признавалось свидетельством искупления вины. Авиаторы же предпочли иной критерий: для летного состава – только число и итоги боевых вылетов; для технического – качество подготовки самолетов к боевой работе. Поэтому имели место случаи, когда некоторым летчикам не удавалось избавиться от статуса штрафника в течение пяти месяцев. Даже получив в воздухе ранения или ожоги, они автоматически в строевые части не переводились.

В тот момент, когда в 8-й воздушной армии приступили к комплектованию штрафных эскадрилий, она имела в своем составе десять авиационных дивизий и ряд отдельных частей – всего 49 авиаполков и 40 батальонов аэродромного обслуживания, объединенных в пять районов аэродромного базирования. Формируемые с 9 сентября 1942 года штрафные эскадрильи создавались: истребительная – при 268-й истребительной авиадивизии (командир полковник Б.А. Сиднев), штурмовая – при 206-й штурмовой авиадивизии (командир полковник В.А. Срывкин) и легкобомбардировочная – при 272-й ночной бомбардировочной дивизии (командир полковник П.О. Кузнецов).

В дивизиях штрафные эскадрильи, оставаясь в непосредственном подчинении командира, прикреплялись к одному из полков. Так, в 206-й штурмовой авиадивизии штрафная эскадрилья была прикреплена к 811-му штурмовому полку двухэскадрильного состава. Командиром штрафной эскадрильи был назначен один из лучших летчиков этой части капитан Петр Федосеевич Забавских, до этого возглавлявший обычную эскадрилью. К тому времени на его счету было уже два сбитых вражеских самолета – «Мессершмитт-109» и «Фокке-Вульф-189», за что он был награжден орденом Красного Знамени.

Летчики попадали в штрафные эскадрильи за самые различные проступки, но чаще всего за трусость, проявленную в бою, или аварии, совершенные по их вине. Но нередко летчики совершали поступки, которые по-своему напоминали об их молодости и житейской неосмотрительности.

Так, 5 июня 1943 года командир 10-го учебно-тренировочного авиаполка отправил в Астрахань на самолете УТ-2 младшего лейтенанта Минченко и старшину Минина. На поле аэродрома Началово им надлежало принять самолет Як-1 и вернуться в полк парой. Но летчики к установленному сроку не вернулись. Выяснилось, что они самовольно вылетели из Астрахани в Кизляр за вином и при взлете с пустыря поломали самолет УТ-2.

В приказе по этому поводу командующий 8-й воздушной армией отмечал, что за такое исключительное хулиганство Минченко и Минин заслуживают предания суду военного три-

бунала, но, учитывая их отличную технику пилотирования и то, что в полку они были инструкторами, он предоставляет им возможность искупить вину в штрафной эскадрилье.

Технические специалисты ВВС в штрафные эскадрильи попадали по самым разным причинам. Так, один из механиков авиационного звена попал в штрафники за то, что снял недостающие детали для своего самолета с самолета в соседнем полку. Другой – за то, что, нарушив меры безопасности, сжег при заправке самолет У-2. Несколько техников и механиков оказались в штрафниках за то, что в начале ноября не отреагировали на температуру воздуха и заморозили водосистему в моторах самолетов Ил-2 и МиГ-3. Начальник технического отдела одного из батальонов аэродромного обслуживания стал штрафником за то, что по личной халатности не обеспечил самолеты сжатым воздухом, сорвав тем самым боевые вылеты нескольких групп штурмовиков и истребителей. Старший техник эскадрильи по вооружению угодили в штрафники потому, что выпустил самолет Ил-2 на боевое задание, не зарядив пушку снарядами. Молодой механик стал штрафником за то, что, охраняя в составе караула склад с боеприпасами, со скуки выстрелил в воробья. В воробья он не попал, но... склад взлетел на воздух!!!

Но были и другие случаи. Так, осенью 1942 года в штрафную эскадрилью угодил Григорий Алексеевич Потлов. В 1933 году он окончил военную школу пилотов. С началом войны на Южном фронте совершил 15 боевых вылетов в составе ночного бомбардировочного полка на У-2. Затем, уже на Сталинградском фронте, принял эскадрилью в 622-м штурмовом полку, совершил на Ил-2 девять успешных боевых вылетов.

В роковой для него день 14 августа 1942 года. Тогда Потлов, ведя в бой группу из шести самолетов, задание не выполнил и вернулся на свой аэродром с полной бомбовой нагрузкой. Вполне возможно, что летчики не нашли назначенную им цель. Но командир 228-й штурмовой авиадивизии полковник В.В. Степичев увидел причину невыполнения задачи в трусости ведущего группы. И приказом по армии Потлов в звании красноармейца, сдав на хранение в штаб свой орден Красного Знамени, был направлен в штрафную эскадрилью.

Но опытный летчик не потерялся и в новом качестве. Он совершил два боевых вылета в качестве ведомого, два – ведущим звена и восемь – ведущим группы. Командир эскадрильи в своем ходатайстве на имя командира 206-й авиадивизии писал: «Все боевые задания Потлов выполнял отлично, в бой идет смело, уверенно и с большим желанием, показывая образцы мужества и отваги. Самолетом Ил-2 овладел в совершенстве, техника пилотирования отличная, может летать в сложных метеорологических условиях... В эскадрилье и в 811-м ШАП пользуется заслуженным боевым авторитетом и любовью всего личного состава полка».

Но командир дивизии полковник В. Срывкин ходатайство командира эскадрильи не поддержал, посчитав, что боевых вылетов у Потлова пока маловато. Пришлось Потлову продолжать службу в составе штрафной эскадрильи. И только по следующему ходатайству 24 января 1943 года приказом по воздушной армии красноармеец Г.А. Потлов был восстановлен в звании капитана и назначен командиром эскадрильи 811-го штурмового авиаполка.

Перед новым, 1943 годом 811-й штурмовой авиаполк убыл в город Куйбышев для нового формирования и обучения. Штрафную эскадрилью, в которой к тому моменту числилось десять штрафников, прикрепили к 807-му полку 206-й авиадивизии.

Из трех штрафных эскадрилий 8-й воздушной армии особенно ярко проявила себя ночная легкобомбардировочная на У-2, первым командиром которой был старший лейтенант Иван Михайлович Семертей. Летчики этой эскадрильи, как, впрочем, и всех других в 272-й авиадивизии, летали ночью и в сложных метеоусловиях. За ночь они успевали совершить 5–6 боевых вылетов со стандартной бомбовой нагрузкой в 200–230 кг. Летчик-штрафник красноармеец Мухамедзян Шарипов, в действительности имевший звание батальонного комиссара, за месяц произвел 94 боевых вылета, а красноармеец (старший политрук) Кузьма Волков – 75. При этом нужно сказать, что летчики строевых эскадрилий за 50 боевых вылетов

согласно приказу НКО СССР № 294 представлялись к ордену Отечественной войны II степени, а за 60 боевых вылетов – к этому же ордену I степени.

Авиаторы-штрафники в подавляющем большинстве добросовестно выполняли боевые задачи, проявляя при этом и мужество и героизм. Об этом могут свидетельствовать записи в приказах командующего 8-й воздушной армией о их реабилитации. При этом в данных приказах разжалованные штрафники уже указывались со своими воинскими званиями. Вот только некоторые из них:

«28 февраля 1943 года сержант Котенко Борис Борисович при штурмовке высоты 101 попал под сильный заградительный зенитный огонь. Несмотря на то, что были перебиты тяги и пробиты бензобаки, бомбы положил точно в цель, после чего посадил самолет на линии фронта и под пулеметным огнем лично эвакуировал его на 20 км в тыл».

«При выполнении боевого задания 28 марта 1943 года днем на самолете У-2 пилот старшина Казарянц Владимир Егишевич, будучи обстрелянным зенитно-пулеметным огнем, получил ранение в ногу и, истекая кровью, привел самолет на свой аэродром».

«Пилот сержант Смирнов Георгий Кузьмич при выполнении боевого задания на самолете У-2 днем 15 февраля 1943 года был подбит над целью, получил осколочные ранения в руку и ногу, несмотря на боль, посадил поврежденный самолет под миномето-пулеметным огнем у линии фронта, после чего эвакуировал его в тыл».

«Сержант Песигин Василий Алексеевич за время пребывания в штрафной эскадрилье с 15 ноября 1942 года по 15 января 1943 года произвел 95 боевых вылетов с общим налетом 153 часа 41 минута, из них на защиту города Сталинграда 45 боевых вылетов со средней бомбовой нагрузкой 200–230 кг... Летаю смело и уверенно в сложных условиях, не имея случаев потери ориентировки и вынужденных посадок. Для поражения цели, несмотря на ураганный огонь противника, заходил по 2–3 раза. Выполнял специальные задания командования по связи и перевозке грузов частям Красной Армии в Сталинград. Сбросил на территории противника 200 000 листовок...»

«Старший техник-лейтенант Седлик Мечислав Дариусович, работая оружейником, обеспечил 210 самолетовылетов с хорошей подготовкой вооружения».

«Старший техник-лейтенант Ноготков Василий Николаевич, осужденный военным трибуналом 35-го района аэродромного базирования сроком на 5 лет, работая механиком, обеспечил 129 боевых вылетов при образцовом содержании материальной части».

В заключение нужно отметить, что потери среди пилотов-штрафников были сопоставимыми с потерями строевых летчиков обычных эскадрилий. Так, штрафная штурмовая эскадрилья 8-й воздушной армии за период с 1 октября по 31 декабря 1942 года потеряла трех летчиков.

Таким образом, говоря о штрафниках, нужно отметить ряд принципиальных моментов. Во-первых, инициатором создания штрафных подразделений было не советское, а германское командование. Во-вторых, в отличие от широко разрекламированного в 2013 году телефильма «Штрафбат», штрафные батальоны никогда заключенными не комплектовались. В-третьих, не то что командирами штрафных батальонов, но и других штрафных подразделений назначались исключительно строевые офицеры. И, наконец, в-четвертых, – штрафные подразделения в действиях советских войск играли не существенную роль. Они использовались на отдельных участках наступления, в том числе и для проведения разведки боем. Но на завершающем этапе Великой Отечественной войны для проведения разведки боем от дивизий первого эшелона выделялись передовые батальоны, которые и решали эту задачу.

Разведка боем

Перед началом наступления на противника всегда крайне важно получить ответы на несколько вопросов. В числе важнейших из них – точное начертание истинного переднего края вражеской обороны и расположение огневых средств противника. Начинать атаку без этого – значит обречь ее на неудачу. Для получения таких сведений в годы войны советским командованием практиковалось проведение разведки боем.

Это была не пустая прихоть. Дело в том, что обороняющийся нередко путем создания передовой позиции пытался ввести вражеское командование в заблуждение относительно начертания главной полосы обороны. В результате этого огневая подготовка зачастую проводилась практически по пустому месту. Наряду со стационарными, широко использовались кочующие огневые средства, что в значительной мере затрудняло их поражение в период проведения артиллерийской подготовки атаки. В результате этого войска неоднократно переходили в наступление на плохо разведанную и неподавленную огнем оборону противника, что, как правило, заканчивалось плачевно.

Требования к организации и проведению разведки боем были изложены в Полевом уставе Красной Армии 1936 года. Однако в ходе учений и при повседневной подготовке войск данный вопрос не отрабатывался.

Проведение разведки боем также допускало и немецкое командование. В боевом уставе пехоты германской армии 1940 года было записано: «Полное представление о противнике дает только сам бой. Боевая разведка должна в кратчайший срок дать полное представление о противнике, данные ее должны служить основанием для использования собственных сил и огневых средств. Непрерывно проводимая боевая разведка является лучшим средством предотвращения внезапного нападения противника. Хорошо поставленная и непрерывная боевая разведка является предпосылкой успеха любого боя. Если боевая разведка не дает достаточных данных, то последние должны быть добыты путем ввода в бой крупных сил, то есть наступлением с ограниченной задачей».

Разведка боем проводится немцами для выполнения таких задач, как захват пленных, документов, трофеев, отдельных тактически выгодных участков местности, уточнения системы огня, а также боеспособности советских войск, проведения демонстрации действий на вспомогательных участках фронта при наступлении на главном направлении. Кроме того, разведка боем нередко способствовала заброске в тыл советских войск шпионов и диверсионных групп.

Были у нее и другие задачи. Так, в учебной брошюре немецкой 16-й армии было сказано, что она проводится для поддержания наступательного духа в обороне, усиления чувства превосходства над противником у каждого отдельного солдата и воспитания боевых качеств одиночного бойца.

Разведка боем (или, как ее называют немцы, силовая разведка) проводилась ударными отрядами силою от взвода до батальона при огневом обеспечении артиллерии и минометов, а иногда при поддержке мелких групп танков с орудиями самоходной артиллерии. Окончательное определение численного состава отряда зависело от задачи, характера местности и силы противника в районе действий. Сам отряд разбивался на ряд команд: штурмовую, обеспечения, подрывников, по разминированию, связи, санитарного обеспечения. Причем штурмовых команд и команд обеспечения могло быть несколько.

Несмотря на признание значимости разведки боем, в начале Великой Отечественной войны противоборствующие стороны к ней относились без особого энтузиазма. Немецкие войска больше полагались на сведения, добывавшиеся авиацией и наблюдением. Советское командование считало, что в обороне проводить разведку боем ни к чему, и впервые в

ограниченных масштабах начали ее применять только перед началом контрнаступления под Москвой в декабре 1941 года.

Организация разведки боем также претерпевала большие изменения.

В первом периоде войны для проведения разведки советским командованием выделялись только отдельные стрелковые взводы. Никакого усиления и огневой поддержки не было. Сама разведка боем проводилась за 2–5 суток до начала общего наступления. Результат – в лучшем случае – выявлялось начертание переднего края противника. Большой временной интервал между разведкой боем и началом наступления приводил к тому, что к началу истинной атаки в обороне противника все менялось настолько, что результаты разведки боем оказывались устаревшими.

Во втором периоде войны для проведения разведки боем начали выделяться от стрелковой роты до стрелкового батальона. Эти подразделения усиливались 2–3 танками, до батареи артиллерии и взводом сапер. Артиллерийская поддержка осуществлялась 2–3 дивизионами артиллерии, а то и ударами авиации. Проводилась такая разведка боем уже только за одни-двое суток до начала общего наступления. Результат – намного чаще вскрывалась группировка противника, характер инженерного оборудования местности и система огня. Результата такой разведки боем более эффективно можно было реализовывать с началом истинного наступления.

Так, в декабре 1942 года, перед началом наших наступательных действий на р. Дон, на участке Новая Калитва, Красно-Ореховое проводилась разведка боем, которая выявила, что невдалеке от берега, занимаемого противником, параллельно ему имеется сплошная траншея, которая тянется на большом протяжении и очень искусно замаскирована сверху хворостом и прутьями. Траншеей занимали автоматчики. Никакими другими способами войсковой разведки, в том числе и аэрофотографированием эта траншея выявлена не была. По результатам разведки боем данная цель во время артиллерийской подготовки атаки была поражена массированным огнем артиллерии.

Затем в январе 1943 года в районе среднего течения р. Дон (на участке южнее Россось) после разгрома итальянских и немецких войск, занимавших оборону по правому его берегу, противник, учитывая успешное продвижение наших войск, подвёл новые части, которые и заняли оборону в тылу. При подходе наших войск к этому рубежу противник оказал сопротивление. Долгое время не удавалось установить принадлежность подошедших неприятельских войск, вследствие чего решено было провести разведку боем на участке Михайловка, Митрофановка с основной задачей захвата пленных. В результате допроса пленных и изучения документов, захваченных при разведке боем, была установлена не только принадлежность подошедших пехотных частей, но и выявлено наличие в данном районе дивизии СС.

С целью достижения внезапности в это время разведка боем проводилась без предварительной огневой подготовки. В частности, одну из таких разведок было решено провести в районе деревни Семкина Горушка в начале июня 1943 года. Противостоявший советским войскам опорный пункт противника включал две высоты с хорошим обзором и обстрелом во всех направлениях и имел развитую систему огня, инженерных сооружений, траншей полного профиля.

Для проведения разведки боем был выделен разведывательный отряд в составе батальона, усиленного взводом саперов, двумя взводами автоматчиков, девятью 45-мм, тремя 76-мм, тремя 122-мм орудиями и ротой танковой Т-34. Кроме того, его действия поддерживались двумя дивизионами артиллерии и четырьмя минометными дивизионами. Перед командиром разведывательного отряда была поставлена задача – овладеть деревней Семкина Горушка, вскрыть систему огня противника, его инженерные укрепления и наличие резервов на этом направлении и захватить пленных.

Для подготовки к намеченной операции 24 мая все подразделения, участвующие в действиях разведывательного отряда были выведены в тыл для проведения практических занятий на специально оборудованной местности, соответствующей той, на которой находится объект нападения. Там было проведено несколько дневных и ночных занятий с боевой стрельбой во взаимодействии с танками и тренировка в ведении траншейного боя. Со всеми категориями офицеров проведены две рекогносцировки местности.

Операция началась 5 июня. Еще ночью этого дня саперы местами проделали проходы в проволоке и минных полях, обозначив их небольшими колышками, и заложили удлиненные заряды для взрыва и проделывания дополнительных проходов.

5 июня с наступлением темноты разведывательный отряд начал выдвижение на исходные рубежи и к 2 часам 6 июня незамеченным для противника сосредоточился у проволоки против проделанных проходов.

В 2 часа 30 минут по сигналу залпа гвардейских минометов (на соседнем участке) саперы подорвали удлиненные заряды, и разведчики быстрым броском ворвались через образовавшиеся проходы в траншеи противника. В 3 часа 30 минут деревня была взята. В течение дня противник пытался контратаковать, но все его атаки были отбиты с большими для него потерями.

7 июня ночью разведывательный отряд вернулся на свои позиции. В результате разведки боем была вскрыта вся огневая система противника, характер его оборонительных сооружений и численный состав гарнизона, выявлено также наличие резервов на данном направлении. Полученные ценные разведывательные данные позволили правильно подкорректировать замысел наступления дивизии и выполнить поставленную ей задачу без значительных потерь. Кроме того, в результате самого боя разведывательным отрядом было уничтожено до 500 солдат и офицеров противника, десять пулеметов, шесть орудий, минометная батарея, захвачено шесть пленных.

В третьем периоде для проведения разведки боем начали выделяться еще большие силы – по одному батальону от каждой дивизии первого эшелона армии. При этом эти подразделения усиливались танковой ротой или батареей САУ, взводами ранцевых огнеметов и сапер. Артиллерийская поддержка осуществлялась силами 3–4 полков (бригад) артиллерии, а то и ударами авиации. Проводилась такая разведка боем всего за одни сутки до начала общего наступления. Результат – как правило полностью вскрывалась система огня, подтверждались группировка противника и характер его обороны, в ряде случаев даже прорывалась первая позиция главной полосы обороны.

Правда, разведка боем по-прежнему была связана с большими людскими потерями. Поэтому далеко не все военачальники были сторонниками такого способа разведки. Так, генерал армии А.В. Горбатов в мемуарах пишет: «Такой способ разведки я ненавидел всеми фибрами души – и не только потому, что батальоны несут при этом большие потери, но и потому что подобные вылазки настораживают противника, побуждают его заранее принять меры против нашего наступления».

Вместе с тем отказ от проведения разведки боем в ряде операций периода войны приводил к серьезным потерям уже в ходе начавшегося наступления. Так, в разборе наступательной операции 8-й гвардейской армии 1-го Белорусского фронта по расширению Кюстринского плацдарма на реке Одер 22–24 марта 1945 года в качестве недостатков указывалось: «Разведка боем не проводилась, и позиции боевого охранения были приняты за передний край. Противник определил сроки и направление главного удара. В период артподготовки оборона противника оказалась неподавленной. В результате, при бое за основную первую позицию, армия потеряла 122 танка и САУ, или 65–79 % от состава группы танков НПП».

В конце войны разведка боем организовывалась так, чтобы не дать возможности противнику раскрыть время перехода наших войск в наступление и направление главного удара.

В целях введения противника в заблуждение она при подготовке наступления проводилась периодически на разных направлениях и в различное время суток. Подобного рода действия предпринимали наши войска в период подготовки Висло-Одерской операции в январе 1945 года. Тогда в течение нескольких суток специально выделенные стрелковые и разведывательные подразделения периодически вели активные действия на переднем крае. В результате этого разведку боем, проведенную 14 января 1945 года, противник принял за начало наступления наших войск и ввел в действие основные огневые средства.

Существовало жесткое требование, что во время проведения разведки боем все командиры подразделений, на участках которых она проводилась, находились на своих наблюдательных пунктах и лично изучали противника, его расположение и систему огня. Для наблюдения привлекались офицеры штабов и разведывательных подразделений. Кроме того, наблюдение за действиями противника велось с наблюдательных постов всех родов войск и специальных войск, а при необходимости выставлялись и дополнительные посты или наблюдатели.

В обороне разведку боем предусматривалось проводить в нескольких случаях. Во-первых, когда ожидалось наступление противника, а его группировка, способ и время перехода в наступление, а также направление главного удара были неизвестны или требовали уточнения и установить это другими средствами и способами разведки не удавалось. В этих условиях разведка велась с целью добывания данных, позволяющих определить нумерацию, силы, состав, группировку, способ перехода противника в наступление, направление главного удара и исключить возможность внезапного перехода его в наступление.

Во-вторых, перед началом нашей контрподготовки, когда разведывательных данных о составе главной группировки противника и объектах поражения было недостаточно, а добыть их другими способами разведки не представлялось возможности. В этом случае перед разведкой боем ставилась цель исключить нанесение ударов нашими огневыми средствами по второстепенным объектам противника. В результате такой разведки можно было уточнить (установить) группировку войск противника, которая находится в непосредственном соприкосновении с обороняющимися и подлежит огневому поражению (подавлению).

В-третьих, в период нашей контрподготовки или после ее проведения. Целью разведки в такой обстановке являлось уточнение боеспособности и группировки противника, а также внесение замешательства в его войска, изготовившиеся или развертывающиеся для наступления.

Разведка боем во всех случаях вынуждала противника раскрывать имеющиеся в его распоряжении огневые средства и группировку войск, которые до этого он тщательно скрывал. Кроме того, подразделения, ведущие разведку боем, ворвавшись в расположение противника, добывали наиболее достоверные сведения о системе огня, группировке, характере занимаемых позиций, нумерации войск, захватывали пленных и документы убитых.

Одна из таких разведок боем была проведена в апреле 1944 года перед фронтом обороны 1-го стрелкового корпуса. Ее необходимость была вызвана тем, что замыслы и силы противника на этом участке были неясны. В то же время наблюдением и подслушиванием было отмечено двустороннее движение его подразделений и мелких групп, изменение режима огня и частое появление на его переднем крае рекогносцировочных групп. Все это свидетельствовало о подготовке наступления, но нужно было убедиться в правильности данных выводов.

Поэтому было принято решение провести разведку боем одновременно на трех направлениях. Для этой цели от 306-й, 204-й и 179-й стрелковых дивизий командиром корпуса было приказано выделить по одной стрелковой роте, каждую из которых поддерживали два артиллерийских дивизиона 76-мм орудий, одна-две батареи 120-мм минометов, одна-две роты 82-мм минометов, 5–14 орудий для стрельбы прямой наводкой.

В результате проведения разведки боем удалось не только установить перегруппировку войск немцев, но и с достаточной полнотой изучить вновь созданную группировку противника, вскрыть систему его огня и намерения. В ходе самих боевых действий было захвачено семь пленных и уничтожено до 100 солдат и офицеров противника.

Таким образом, разведка боем в годы Великой Отечественной войны стала одним из распространенных средств получения разведывательных данных о противнике. Несмотря на большие потери, советским командованием она практиковалась довольно часто. Наиболее эффективной она была при подготовке наступления. При проведении разведки боем в обороне выяснилось, что данный вид разведки не всегда рационален. Так, если противник готовится к наступлению с ходу, то разведкой боем было невозможно вскрыть главную группировку наступающих войск, так как она находится в глубине его расположения.

Заградительные отряды

История создания заградительных отрядов уходит своими корнями в далекое прошлое. Так известно, что при штурме османами Константинополя в 1453 году первую волну образовали башибузуки (многоязычное нерегулярное войско), которых ударами плетей и железных прутьев подгоняли вперед шедшие за ними шеренги военной полиции.

Создавались такие отряды и в русской армии. Так, командующий 8-й армией А.А. Брусилов в 1915 году в одном из своих приказов писал: «Сзади нужно иметь особо надёжных людей и пулемёты, чтобы, если понадобится, заставить идти вперёд и слабодушных. Не следует задумываться перед поголовным расстрелом целых частей за попытку повернуть назад или, что ещё хуже, сдаться в плен».

Не гнушались создавать заградительные отряды и немцы в самом начале агрессии против СССР. Так, А. Бабаджанян в книге «Дороги победы» пишет о том, что позади наступавших румынских войск находились немецкие заградительные отряды, которые расстреливали отступающие части своих союзников» (*Бабаджанян А. Дороги победы. М.: Молодая гвардия, 1975. С. 163*).

Советское командование также не гнушалось подобными мерами принуждения. Так, в Директиве Управления особых отделов НКВД СССР № 39212 от 28 июля 1941 года об усилении работы по выявлению и разоблачению агентуры противника, перебрасываемой через линию фронта, было сказано:

«Одним из серьёзных средств выявления засылаемых к нам агентов германской разведки являются организованные заградительные отряды, которые должны тщательно проверять всех без исключения военнослужащих, неорганизованно пробирающихся с фронта в прифронтовую полосу, а также военнослужащих, группами или в одиночку попадающих в другие части. Однако имеющиеся материалы говорят о том, что работа заградительных отрядов ещё недостаточно организована, проверка задержанных лиц проводится поверхностно, зачастую не оперативным составом, а военнослужащими.

В целях выявления и беспощадного уничтожения агентуры противника в частях Красной Армии предлагаю:

1. Усилить работу заградительных отрядов, для чего выделить в отряды опытных оперативных работников. Установить, как правило, что опрос всех без исключения задерживаемых должен производиться только оперативными работниками.

2. Всех лиц, возвратившихся из германского плена, как задержанных заградительными отрядами, так и выявленных агентурным и другим путём, арестовывать и тщательно допрашивать об обстоятельствах пленения и побега или освобождения из плена.

Если следствием не будут добыты данные о причастности их к органам германской разведки, таких лиц из-под стражи освобождать и направлять на фронт в другие части, установив за ними постоянное наблюдение как со стороны органов особого отдела, так и со стороны комиссара части».

В сентябре 1941 года, в виду ухудшения положения на фронтах, по инициативе армейского руководства, Ставка Верховного главнокомандующего директивой № 001919 создает заградительные отряды в стрелковых дивизиях – по батальону (из расчета рота на полк). Вот их первичной задачей и было недопущение отхода войск. Только формировались они не из сотрудников НКВД, а из лучших, наиболее подготовленных и «обстрелянных» красноармейцев. Никакого права расстреливать отступающие части «из пулеметов» не было и у них. Максимум, для чего они имели право применить оружие, – это нейтрализация вооруженных зачинщиков бегства.

Об этом может свидетельствовать сообщение комиссара госбезопасности 3-го ранга С. Мильштейна народному комиссару внутренних дел Л.П. Берии о действиях особых отделов и заградительных отрядов войск НКВД СССР за период с начала войны по 10 октября 1941 года. В нем, в частности, указывалось:

«С начала войны по 10 октября с.г. Особыми отделами НКВД и заградительными отрядами войск НКВД по охране тыла задержано 657 364 военнослужащих, отставших от своих частей и бежавших с фронта. Из них оперативными заслонами Особых отделов задержано 249 969 человек и заградительными отрядами войск НКВД по охране тыла – 407 395 военнослужащих.

Из числа задержанных, Особыми отделами арестовано 25 878 человек, остальные 632 486 человек сформированы в части и вновь направлены на фронт...

По постановлениям Особых отделов и по приговорам Военных трибуналов расстреляно 10 201 человек, них расстреляно перед строем – 3321 человек» (*Топтыгин А.В.* Неизвестный Берия. М. – СПб., 2002. С. 439–440).

Теперь о самих заградительных отрядах. Приказом № 227 предписывалось «сформировать в пределах армии 3–5 хорошо вооруженных заградительных отрядов (по 200 человек в каждом), поставить их в непосредственном тылу неустойчивых дивизий и обязать их в случае паники и беспорядочного отхода частей дивизии расстреливать на месте паникеров и трусов и тем помочь честным бойцам дивизий выполнить свой долг перед Родиной».

Такие отряды, как правило, занимали свои позиции в тылу соединений и частей, прибывших на фронт из резерва, и всегда – в тылу штрафных рот. Они никакого отношения к НКВД не имели, состояли из солдат и командиров Красной Армии, как правило, уже испытанных боями. Так, в 21-м заградотряде 67-й армии из 199 человек 151 участвовал в боях, многие имели ордена и медали. Они носили ту же форму, что и остальная армия.

О работе заградительных отрядов в первые месяцы после выхода в свет приказа № 227 может свидетельствовать сообщение Особого отдела НКВД Сталинградского фронта в Управление особых отделов НКВД СССР от 14 августа 1942 года «О ходе реализации приказа № 227 и реагировании на него личного состава 4-й танковой армии». В нем, в частности, было указано:

«Заградотрядами и заградбатальонами на 7.8.42 г. по частям и соединениям на участках армии задержаны 363 человека, из которых 93 чел. вышли из окружения, 146 – отстали от своих частей, 52 – потеряли свои части, 12 – пришли из плена, 54 – бежали с поля боя, 2 – с сомнительными ранениями.

В результате тщательной проверки: 187 человек направлены в свои подразделения, 43 – в отдел укомплектования, 73 – в спецлагеря НКВД, 27 – в штрафные роты, 2 – на медицинскую комиссию, 6 чел. арестованы и, как указано выше, 24 чел. расстреляны перед строем»...

В масштабах же всей РККА работа заградительных отрядов была весьма эффективной. Так, известно, что только за десять дней августа 1942 года заградотряды, сформированные военными советами армий, сражавшихся в составе Сталинградского фронта, задержали более 9 тыс. человек, самовольно покинувших поле боя.

С 1 августа по 15 октября 1942 года заградотрядами были задержаны 140 755 военнослужащих, сбежавших с передовой линии фронта. Из числа задержанных арестованы 3980 человек, расстреляны 1189 человек, направлены в штрафные роты 2776 человек, штрафные батальоны 185 человек, возвращены в свои части и на пересыльные пункты 131 094 человека. Поэтому в октябре 1942 года в войсках действующей армии было сформировано уже 193 армейских заградительных отряда, из них на Сталинградском фронте – 16, на Донском – 25.

В первой половине 1943 года заградительные отряды продолжали выполнять свои прямые обязанности. Общая обстановка на театре военных действий была еще довольно

сложная – враг яростно огрызался, местами переходя в наступление. Среди личного состава РККА было немало людей, стремившихся уклониться от участия в боевых действиях. Однако случаи отступлений и дезертирства уже не носили массовый характер.

Об этом можно судить из спецсообщения начальника отдела контрразведки Смерш 69-й армии Воронежского фронта полковника Строилова от 18 июля 1943 года в Военный совет армии. В нем он докладывал, что «В порядке выполнения задачи по задержанию рядового и командно-начальствующего состава соединений и частей армии, самовольно оставивших поле боя, Отделом контрразведки Смерш 69-й армии 12 июля 1943 года из личного состава отдельной роты было организовано 7 заградотрядов, по 7 человек в каждом, во главе которых были поставлены по 2 оперативных работника».

В результате проведенной работы заградотрядами с 12 по 17 июля 1943 года были задержаны 6956 человек рядового и командно-начальствующего состава, оставивших поле боя или вышедших из окружения войск противника.

Но далее он указывал: «Необходимо отметить, что число задержанных военнослужащих, начиная с 15 июля, резко сократилось по сравнению с первыми днями работы заградотрядов. Если за 12 июля были задержаны 2842 человека, а за 13 июля – 1841 человек, то за 16 июля были задержаны 394 человека, а уже за 17 июля были задержаны всего лишь 167 человек, и то вышедших из окружения войск противника. Начавшийся в пятом часу 12 июля 1943 года массовый отход рядового, командно-начальствующего состава с поля боя организованными нами заградотрядами был в основном остановлен в 16 часов того же дня, а впоследствии совсем прекратился».

В этом донесении также говорилось о том, что в процессе боевых действий имели место случаи самовольного оставления поля боя целыми подразделениями. «Так, например, заградотрядом в районе с. Новая Слободка 14 июля с. г. были задержаны 3 подразделения 305-й сд, как то: батарея 76-мм пушек, гаубичная батарея и сапёрная рота. Другим заградотрядом в районе дер. Самойловки были задержаны 3 миномётные батареи 290-го армейского миномётного полка».

Из числа задержанных было арестовано 55 человек. Из них по подозрению в шпионаже – 20 человек, в терроре – 2 человека, в измене Родине – 1 человек, трусов и паникёров – 28 человек, дезертиров – 4 человека. Остальные военнослужащие из числа задержанных были направлены в свои части.

После перелома в войне и перехода советских войск в общее наступление заградительные отряды начали быстро терять свою первоначальную роль и обрести комендантскими функциями. Начальник политуправления 3-го Прибалтийского фронта генерал-майор А. Лобачев, к примеру, в августе 1944 года доносил в ГлавПУР: «Большая часть личного состава заградотрядов используется для охраны штабов армий, линий связи, дорог, прочесывания лесов и т. д. Характерна в этом отношении деятельность 7-го заградотряда 54-й армии. По списку в отряде 124 человека. Используются они так: 1-й автоматный взвод охраняет второй эшелон штаба армии; 2-й автоматный взвод придан 111-му стрелковому корпусу для охраны линии связи от корпуса до армии; стрелковый взвод придан 7-му стрелковому корпусу с той же задачей; пулеметный взвод находится в резерве командира заградотряда, а командир этого взвода назначен комендантом управления тыла армии...» Похожими были донесения и с других фронтов.

Насколько страшными для бойцов Красной Армии были эти заградительные отряды – сказать трудно. Безусловно, о них знали все, и особых симпатий они не вызывали. Но напрямую сталкиваться с этими отрядами приходилось не часто.

Так, Герой Советского Союза П.Н. Лашенко вспоминал: «Да, были заградительные отряды. Но я не знаю, чтобы кто-нибудь из них стрелял по своим, по крайней мере на нашем участке фронта. Уже сейчас я запрашивал архивные документы на этот счёт, таких доку-

ментов не нашлось. Заградотряды находились в удалении от передовой, прикрывали войска с тыла от диверсантов и вражеского десанта, задерживали дезертиров, которые, к сожалению, были; наводили порядок на переправах, направляли отбившихся от своих подразделений солдат на сборные пункты. Скажу больше, фронт получал пополнение, естественно, необстрелянное, как говорится, порошу не нюхавшее, и заградительные отряды, состоявшие исключительно из солдат уже обстрелянных, наиболее стойких и мужественных, были как бы надёжным и сильным плечом старшего. Бывало нередко и так, что заградотряды оказывались с глазу на глаз с теми же немецкими танками, цепями немецких автоматчиков и в боях несли большие потери. Это факт неопровержимый»...

Другой участник войны, кавалер ордена Александра Невского А.Г. Ефремов писал: «Действительно, на угрожающих участках выставлялись такие отряды. Эти люди не какие-то изверги, а обычные бойцы и командиры. Играли они две роли. Прежде всего готовили оборонительный рубеж, чтобы отступающие смогли на нём закрепиться. Во-вторых, пресекали паникёрство. Когда наступил перелом в ходе войны, я не видел больше этих отрядов».

После успешного проведения Белорусской и Львовско-Сандомирской операций внешний облик РККА резко стал меняться в лучшую сторону. Это уже не была армия обороны, проводились одна за другой наступательные операции. Безусловно, отдельные случаи бегства с поля боя и даже дезертирства из своих частей были, но с этими явлениями боролись уже другие органы. 29 октября 1944 года приказом НКО № 0349 заградительные отряды были упразднены, а их личный состав был передан на пополнение стрелковых дивизий.

Таким образом, заградительные отряды всегда следует рассматривать как средство противодействия сложившейся обстановки и низким боевым качествам войск. Чаще всего они присущи периоду оборонительных действий, проводившихся только что мобилизованными войсками в период массовых отступлений. Для наступающих войск такие органы дисциплинарного и карательного характера становятся не нужными.

СМЕРШ – смерть шпионам!

В 1941 году Сталин подписал постановление ГКО СССР о государственной проверке (филтрации) военнослужащих Красной Армии, бывших в плену или в окружении войск противника. Аналогичная процедура осуществлялась и в отношении оперативного состава органов госбезопасности. Филтрация военнослужащих предусматривала выявление среди них изменников, шпионов и дезертиров.

В начале войны этим вопросом занималось 3-е управление НКО и особые отделы НКВД.

После поражения немецких войск под Сталинградом началось освобождение территории СССР от противника. И тогда оказалось, что на ней остается большое количество бывших советских людей, по разным причинам перешедших на службу к врагу.

В марте 1943 года первый заместитель наркома внутренних дел В.Н. Меркулов собрал в Москве срочное совещание начальников особых отделов ряда фронтов и армий. Каждому из них была предоставлена возможность вкратце отчитаться о проделанной работе. В заключение Меркулов довел требование И.В. Сталина о необходимости улучшить контрразведывательную работу. Он процитировал приказ вождя: «Работать надо таким образом, чтобы ни один шпион, диверсант или террорист не смог ускользнуть от зоркого глаза особистов».

31 марта И.В. Сталин провел совещание по вопросу борьбы со шпионами с руководителями НКВД СССР Л.П. Берией, В.Н. Меркуловым и В.С. Абакумовым. Ко 2 апреля Меркуловым был подготовлен документ об образовании Наркомата госбезопасности, который был подписан Л.П. Берией и направлен И.В. Сталину. Но этот документ утвержден не был. 4 апреля В.Н. Меркулов представил новый вариант, но и он не был утвержден И.В. Сталиным.

13 апреля по вопросу борьбы со шпионами состоялось очередное представление данного документа. В целом он был одобрен. Но на предложение назвать контрразведку «СМЕР-НЕШ» («Смерть немецким шпионам») Сталин отметил: «Речь идет не только о борьбе с немецкими шпионами. У нас пасутся разведки и других стран. Назовем просто Смерш».

Постановлением СНК СССР № 415–138сс о создании ГУКР Смерш было подписано И.В. Сталиным 19 апреля 1943 года. На него возлагалось решение следующих задач:

а) борьба со шпионской, диверсионной, террористической и иной деятельностью иностранных разведок в частях и учреждениях Красной Армии;

б) принятие через командование необходимых оперативных и иных мер «к созданию на фронтах условий, исключающих возможность безнаказанного прохода агентуры противника через линию фронта с тем, чтобы сделать линию фронта непроницаемой для шпионских и антисоветских элементов»;

в) борьба с предательством и изменой Родине в частях и учреждениях армии, с дезертирством и членовредительством на фронтах, проверка военнослужащих и других лиц, бывших в плену и окружении противника, а также «выполнение специальных заданий народного комиссара обороны».

Специальным пунктом постановления было отмечено, что органы Смерш освобождаются от выполнения других, кроме изложенных выше задач. Начальник ГУКР Смерш объявлялся заместителем наркома обороны, т. е. И.В. Сталина.

21 апреля 1943 года И.В. Сталин подписал Постановление ГКО № 3222 сс/ов «Об утверждении положения о Главном управлении контрразведки НКО Смерш. На основании данного постановления были созданы:

Главное управление контрразведки Смерш Народного комиссариата обороны СССР, начальник – комиссар государственной безопасности 2-го ранга В.С. Абакумов. Подчинялось непосредственно наркому обороны И.В. Сталину.

Управление контрразведки Смерш Народного комиссариата Военно-Морского флота СССР, начальник – комиссар ГБ П.А. Гладков. Подчинялось наркому флота Н.Г. Кузнецову.

15 мая 1943 года, в соответствии с упомянутым постановлением СНК, для агентурно-оперативного обслуживания пограничных и внутренних войск, милиции и других вооруженных формирований Наркомата внутренних дел, приказом НКВД СССР № 00856 был создан:

Отдел контрразведки (ОКР) Смерш НКВД СССР (начальник – комиссар государственной безопасности С.П. Юхимович). Подчинялся наркому Л.П. Берии.

27 апреля 1943 года И.В. Сталин утвердил штат Главного управления Смерш НКО СССР в количестве 646 человек. Его руководящий состав был представлен следующими лицами:

Абакумов, Виктор Семёнович (19 апреля 1943 – 4 мая 1946 года), комиссар государственной безопасности 2-го ранга, с 9 июля 1945 года – Начальник Главного управления контрразведки (ГУКР) Смерш, генерал-полковник.

Заместители начальника:

Селивановский, Николай Николаевич (19 апреля 1943 – 4 мая 1946 года), комиссар государственной безопасности 3-го ранга, с 26 мая 1943 г. – генерал-лейтенант.

Мешик, Павел Яковлевич (19 апреля 1943 – 17 декабря 1945 года), комиссар государственной безопасности 3-го ранга, с 26 мая 1943 года – генерал-лейтенант.

Бабич, Исай Яковлевич (19 апреля 1943 – 4 мая 1946 года), комиссар государственной безопасности, с 26 мая 1943 года – генерал-лейтенант.

Врадий, Иван Иванович (26 мая 1943 – 4 мая 1946 года), генерал-майор, с 25 сентября 1944 года – генерал-лейтенант.

В состав ГУКР Смерш с апреля 1943 года входили следующие отделы, начальники которых были утверждены 29 апреля 1943 года приказом № 3 /сш Наркома обороны И.В. Сталина:

1-й отдел – агентурно-оперативная работа в центральном аппарате Наркомата обороны (начальник – полковник ГБ, затем генерал-майор Горгонов Иван Иванович).

2-й отдел – работа среди военнопленных, проверка военнослужащих Красной Армии, бывших в плену (начальник – подполковник ГБ Карташев Сергей Николаевич).

3-й отдел – борьба с агентурой, забрасываемой в тыл Красной Армии (начальник – полковник ГБ Утехин Георгий Валентинович).

4-й отдел – работа на стороне противника для выявления агентов, забрасываемых в части Красной Армии (начальник – полковник государственной безопасности Тимофеев Петр Петрович).

5-й отдел – руководство работой органов Смерш в военных округах (начальник – полковник ГБ Зеничев Дмитрий Семенович).

6-й отдел – следственный (начальник – подполковник государственной безопасности Леонов Александр Георгиевич).

7-й отдел – оперативный учет и статистика, проверка военной номенклатуры ЦК ВКП(б), НКО, НКВМФ, шифрработников, допуск к совершенно секретной и секретной работе, проверка работников, командируемых за границу (начальник – полковник Сидоров А.Е.; назначен позднее, в приказе данные отсутствуют).

8-й отдел – оперативной техники (начальник – подполковник государственной безопасности Шариков Михаил Петрович).

9-й отдел – обыски, аресты, наружное наблюдение (начальник – подполковник государственной безопасности Кочетков Александр Евстафьевич).

10-й отдел – Отдел «С» – специальных заданий (начальник – майор государственной безопасности Збраилов Александр Михайлович).

11-й отдел – шифровальный (начальник – полковник государственной безопасности Чертов Иван Александрович).

Кроме того, в составе этого ведомства были политотдел (начальник – полковник Сиденьков Никифор Матвеевич), отдел кадров (начальник – полковник Врядий Иван Иванович, административно-финансово-хозяйственный отдел (начальник – подполковник Половнев Сергей Андреевич и секретариат (начальник – полковник Чернов Иван Александрович). Общая численность центрального аппарата ГУКР Смерш НКО составляла 646 человек.

Кроме заместителей, начальник ГУКР СМЕРШ имел 16 помощников, каждый из которых курировал деятельность одного из фронтовых Управлений контрразведки Смерш. В их числе были:

Авсеевич, Александр Александрович (апрель – июнь 1943 года), полковник государственной безопасности, с 26 мая 1943 года – генерал-майор.

Болотин, Григорий Самойлович (1943 – 4 мая 1946 года), полковник государственной безопасности, с 26 мая 1943 года – генерал-майор.

Рогов, Вячеслав Павлович (май 1943 – июль 1945 года), генерал-майор.

Тимофеев, Пётр Петрович (сентябрь 1943 – 4 мая 1946 года), генерал-майор, с 1944 года – генерал-лейтенант (УКР Смерш Степного, с 16.10.1943 2-го Украинского фронтов).

Прохоренко, Константин Павлович (29 апреля 1943 – 4 октября 1944 года), полковник ГБ, с 26 мая 1943 года – генерал-майор.

Москаленко, Иван Иванович (май 1943 – 4 мая 1946 года) полковник государственной безопасности, с 6 мая 1943 года – генерал-майор, с 21 июля 1944 года – генерал-лейтенант.

Мисюрев, Александр Петрович (29 апреля 1943 – 4 мая 1946 года), полковник государственной безопасности, с 26 мая 1943 года – генерал-майор.

Кожевников, Сергей Федорович (29 апреля 1943 – 4 мая 1946 года), полковник государственной безопасности, с 26 мая 1943 года – генерал-майор.

Ширманов, Виктор Тимофеевич (на июль 1943 года), полковник, с 31 июля 1944 года – генерал-майор. (УКР Смерш Центрального, с 16.10.1943 Белорусского фронтов).

Штат управления Смерш фронта насчитывал 130 человек. Управление состояло:

1-й отдел – штаб и управления фронта.

2-й отдел – контрразведывательная работа в тылу, борьба с агентурой противника (парашютисты), работа среди военнослужащих, фильтрация находившихся в плену или окружении.

3-й отдел – руководство работой подчиненных органов, борьба с подрывной деятельностью иностранных разведок, антисоветскими элементами, изменой Родине, воинскими преступлениями.

4-й отдел – следственный.

Отделы контрразведки НКО Смерш были созданы и в армиях в количестве 57 человек. Они состояли из пяти отделений.

1-е – работа по штабу, отделам, управлениям.

2-е – работа по управлению тыла и его объектам.

3-е – руководство подчиненными органами (корпусами, дивизиями, бригадами).

4-е – борьба с агентурой противника, фильтрация, зафронтная работа.

5-е – следственное отделение.

Для комплектования органов Смерш помимо бывших сотрудников особых отделов НКВД в Смерш массово призвали армейских офицеров, а также «профильных» специалистов с гражданки, в частности юристов.

Первым приказом по личному составу ГУКР Смерш, 29 апреля 1943 года, (приказ № 1/сш) нарком обороны СССР И.В. Сталин установил новый порядок присвоения званий офицерскому составу нового Главка, имевшему преимущественно «чекистские» спецзвания. В соответствии с этим приказом лицам, имевшим воинские звания с приставкой «государственной безопасности», было приказано именоваться только по основному званию, без данной приставки. Так, офицер, ранее имевший звание лейтенант государственной безопасности, впредь должен был именоваться просто «лейтенант», и т. д. вплоть до полковника. Остальным лицам начальствующего состава, имевшим звание комиссар государственной безопасности и выше, воинские звания присваивались в персональном порядке. Вместе с тем имеется достаточно примеров, когда военные контрразведчики-«смершевцы» (особенно это касается старших офицеров) и далее носили персональные звания госбезопасности. Так, начальник ГУКР НКО СССР Смерш В.С. Абакумов – единственный «армейский смершевец», несмотря на назначение его по совместительству заместителем Наркома обороны (занимал этот пост чуть более месяца – с 19.04 по 25.05.1943 года), сохранял за собой вплоть до июля 1945 года «чекистское» спецзвание комиссар государственной безопасности 2-го ранга. Начальник ОКР НКВД СССР Смерш С.П. Юхимович до июля 1945 года оставался комиссаром государственной безопасности 3-го ранга. Но при этом для всех сотрудников контрразведки были сохранены оклады содержания, выслуга лет, снабжение и нормы продовольственных и промышленных пайков, установленные ранее для органов НКВД. Сотрудникам всех трех ведомств Смерш надлежало носить форму одежды и знаки различия воинских частей и соединений, ими обслуживаемых.

Для пополнения органов Смерш кадрами были созданы 1-я и 2-я Московские школы, соответственно, на 600 и 200 человек, Ташкентская школа (300 человек), Хабаровская (250 человек) и курсы в Новосибирске и Свердловске на 250 человек. Срок обучения предусматривался в течение от шести до девяти месяцев. В начале 1943 года новосибирские и свердловские курсы были реорганизованы в школы. В этих военно-учебных заведениях, кроме чисто военных дисциплин, преподавались специальные дисциплины по оперативно-разыскной работе.

В феврале 1944 года для обучения работников контрразведки публикуется «Сборник материалов об организации германской разведки, действующей на советском фронте». В апреле того же года в органы Смерш был разослан аналогичный сборник об органах финской военной разведки.

Постановлением СНК от 6 января 1945 года при штабах фронтов начали функционировать отделы по делам репатриации, в работе которых принимали участие сотрудники органов Смерш. Возглавил эти отделы генерал-лейтенант Ф.И. Голиков. Данные отделы создавали сборно-пересыльные пункты для приема и проверки советских граждан, освобожденных Красной Армией. Всего было создано 16 таких пунктов.

В 1990-е гг. либеральная пресса подняла волну, связанную с работой советских органов в годы Великой Отечественной войны. Не обошли своим вниманием они и Смерш. Так, было заявлено, что с 1941 по 1945 год советскими органами было арестовано около 700 тыс. человек – около 70 тыс. из них расстреляно. Также сообщается, что через «чистилище» Смерша прошло несколько миллионов человек и около четверти из них тоже были казнены. В годы войны был арестован 101 генерал и адмирал: 12 умерли во время следствия, 8 освободили за отсутствием состава преступления, 81 был осужден Военной коллегией Верховного суда и особым совещанием.

Также сообщалось, что для слежки и контроля над инакомыслием Смерш создал и поддерживал целую систему слежки за гражданами в тылу и на фронте. Сотрудники этих органов без разбору хватали совершенно невинных людей, а угрозы расправы приводили к сотрудничеству их с секретной службой и к безосновательным обвинениям против военно-служащих и гражданского населения.

Много писалось о том, что органы Смерш выполняли функцию тайной полиции в войсках, в каждом соединении имелся свой особист, который вёл дела на солдат и офицеров, имеющих проблемные биографии, и вербовал агентуру. Зачастую агентура Смерш проявляла героизм на поле боя, особенно в ситуации паники и отступления.

Также сообщалось, что Смерш играл большую роль в распространении сталинской системы террора на страны Восточной Европы, где установились дружеские к Советскому Союзу режимы. Например, сообщалось, что на территории Польши и Германии после войны некоторые бывшие нацистские концлагеря продолжали функционировать «под эгидой» Смерш как место репрессий идеологических противников новых режимов. При этом в качестве доказательства приводилась информация, что в бывшем нацистском концлагере Бухенвальд ещё несколько лет после войны содержалось свыше 60 тыс. противников социалистического выбора.

При этом авторы совершенно упускали тот факт, что главными противниками Смерш, в его контрразведывательной деятельности были абвер, немецкая служба разведки и контрразведки, полевая жандармерия и Главное управление имперской безопасности РСХА, а также финская военная разведка. Начиная с 1943 года противник повысил интенсивность заброски своей агентуры через линию фронта на самолетах. При отступлении германских войск в тылу Красной Армии оставлялись агентурные группы, отдельные агенты-диверсанты, а также связанное с ними или действующее самостоятельно разного рода националистическое подполье. Количество людей, задействованных в этих структурах, исчислялись сотнями тысяч человек.

Также упускался тот факт, что вопреки распространенному мнению органы Смерш не могли приговорить кого-либо к тюремному заключению или расстрелу, так как не являлись судебными органами. Приговоры выносил военный трибунал или Особое совещание при НКВД СССР. Санкцию на аресты среднего командного состава контрразведчики должны были получать от Военного совета армии или фронта, а старшего и высшего начальствующего состава – от наркома обороны.

Важно и то, что заградотряды при органах Смерш никогда не создавались и сотрудники Смерша их никогда не возглавляли. В начале войны заградительные мероприятия осуществлялись войсками НКВД по охране тыла действующей армии. В 1942 году начали создаваться заградительные отряды при каждой армии, находившейся на фронте. Фактически они предназначались для поддержания порядка во время боёв. Только во главе заградотрядов Сталинградского и Юго-Западного фронтов в сентябре – декабре 1942 года стояли работники особых отделов НКВД.

Правда, заградительные службы активно использовались работниками Смерша для розыска агентуры разведки противника. Например, накануне наступательных операций фронтов большой размах приобретали с участием органов Смерш мероприятия по линии заградслужбы. В частности, осуществлялось прочёсывание военных гарнизонов, до 500 и более населенных пунктов с прилегающими к ним лесными массивами, производился осмотр нежилых помещений, тысяч заброшенных землянок. В ходе таких «зачисток», как правило, задерживалось большое число лиц без документов, дезертиров, а также военно-служащих, имевших на руках документы с признаками, указывающими на их изготовление в абвере.

Основных направлений работы органов Смерш было несколько.

Во-первых, это борьба с агентами в расположении действующей армии. Борьба с этими элементами стала одной из главных задач органов Смерш. Так, только с 25 октября по 1 декабря 1944 года органами Смерш действующей армии в расположении частей советских войск было арестовано 776 агентов германской разведки и контрразведки, сброшенных на парашютах или оставленных немцами при отступлении.

Во-вторых, проведение разведывательных операций за линией фронта. С 1 октября 1943 года по 1 мая 1944 года советской контрразведкой было переброшено в тыл противника 345 зафронтных агентов, в том числе 50 перевербованных германских разведчиков. 57 человек внедрились в разведывательные органы противника. Из них 102 человека вернулись после выполнения поставленного задания, а 26 остались продолжать разведывательную деятельность. Кроме того, за счет внедрения в части РОА и полицейские части, в период с апреля 1943 года по февраль 1944 года из состава этих формирований на советскую сторону через линию фронта и к партизанам перешло 1202 человека.

В-третьих, фильтрация солдат, вернувшихся из плена, а также предварительная зачистка прифронтной полосы от немецкой агентуры и антисоветских элементов (совместно с войсками НКВД по охране тыла действующей армии и территориальными органами НКВД). Смерш принимал активное участие в розыске, задержании и ведении следствия по делам советских граждан, действовавших в антисоветских вооруженных группах, воевавших на стороне Германии, таких как Русская освободительная армия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.